

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

ДОСТАТОЧНО
ОДНОЙ ТАБЛЕТКИ

Эра Стрельца

Наталья Андреева

Достаточно одной таблетки

«Автор»

2010

Андреева Н. В.

Достаточно одной таблетки / Н. В. Андреева — «Автор»,
2010 — (Эра Стрельца)

ISBN 978-5-17-063340-1

Москва. Огромный город, населенный множеством людей. И у всех проблемы. Кому-то для счастья не хватает виллы на Лазурном берегу, а для кого-то и крохотная квартирка на окраине – предел мечтаний. На что только не пойдешь ради того, чтобы твое самое заветное желание осуществилось! Синдром Раскольникова – болезнь прогрессирующая, потому что количество людей, берущих деньги в долг, только растет. Но растут и риски тех, кто одалживает деньги. Да еще под огромные проценты! Как говорится, кто не рискует, тот в Новый год не пьет шампанского. Но ведь это может оказаться и последний бокал.

ISBN 978-5-17-063340-1

© Андреева Н. В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Симптомы	5
Травмы, несовместимые с жизнью	10
Ворота «Медрая»	29
Ангелы «Медрая»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Наталья Андреева

Достаточно одной таблетки

Прежде чем вы приступите к чтению, автор считает своим долгом сообщить, что все описанные ниже события – чистый вымысел, место действия выбрано произвольно, а любые совпадения случайны. Огромная просьба к читателям проявить воображение и включить фантазию, а не искать у себя симптомы несуществующих болезней.

СИМПТОМЫ

– Леша, я так больше не могу!

– Сашенька, что случилось? – спросил Алексей Леонидов у жены, не отрывая взгляда от экрана телевизора.

Он же никак не мог пропустить вечерний выпуск новостей! А вдруг революция? Новый виток кризиса? Банки лопнули, биржа легла, нефть раздают даром. А мы не готовы! Надо же куда-то бежать, что-то делать! В магазин, пива купить, да в киоск, за свежей газетой, узнать подробности! А то утром явишься на работу, как марсианин, все что-то бурно обсуждают, а ты ни словечка не можешь вставить! Жена, она сама скажет, в чем ее проблема, надо будет, посреди ночи растолкает и скажет, а о событиях в мире можно узнать только из вечернего выпуска новостей. Еще из газет и из Интернета, но газет Саша не покупает принципиально, а компьютер оккупировал сын.

– А ты не видишь? – со слезами в голосе спросила жена. – Я задыхаюсь, я... Я места себе не нахожу! Я не знаю, что со мной!

Ответ напрашивался сам собой.

– Иди к врачу, – сказал Леонидов и прибавил звук.

Болеешь? Иди к врачу! А муж – не доктор, он добытчик. Его святое дело сдать в семейный банк зарплату, чтобы хватило и на врачей в том числе.

– К врачу?! – возмутилась Александра. – Ты сказал: к врачу?! А у меня есть на это время?! У меня забот полон рот, дом на мне, двое детей, да еще работа! Ты только и знаешь, что на диване лежать! Так тоже больше нельзя! Ты посмотри на меня! Нет, ты посмотри! На меня посмотри, оторвись, наконец, от телевизора! Леша!!!

Леонидов перевел взгляд с симпатичной дикторши на жену. Тоже ничего. Вполне может работать на телевидении.

– Ты ничего не замечаешь? – спросила Александра.

– Волосы покрасила?

– Леша!

– Тебе идет.

– Я не красила волосы.

– Но что-то ты с собой сделала, определенно. И тебе это идет.

– Я же похудела!

– Молодец!

– Молодец?!

– Ты столько об этом мечтала. Помнишь, как жаловалась после родов на то, что растолстела? Только и разговоров было: ах, когда же я только похудею! И вот мечта сбылась!

– Да, сбылась! Но я никогда не думала, что это будет так!

– Как так?

– Я же не могу есть. У меня совсем нет аппетита, – пожаловалась Саша. – В горле ком стоит. Леша, мне дышать тяжело...

– Ты серьезно?

– Стала бы я с этим шутить! Я тяжело больна, Леша, – шепотом сказала жена. – Мне кажется, я умираю...

Тут и Леонидов испугался. Черт с ней, с революцией! С розовой, с голубой, хоть с какой! Революция далеко, а жена вот она, рядом! Что он будет делать без Саши? Саша – это его жизнь! А жизнь надо спасать!

– Но надо же что-то делать! – возмутился он. – Не сидеть же сложа руки!

– Что?

– К врачу идти!

– Леша, ты знаешь, какое сегодня число?

– Новый год скоро.

– Скоро! Завтра, Леша!

– Сегодня что, тридцать первое декабря?!

– Тридцатое, – грустно сказала Саша. – Сегодня тридцатое декабря.

– У меня дежурство четвертого... Значит, первого, второго и третьего я в твоём распоряжении. И машина, разумеется, тоже.

– Ты да, – горько сказала Саша. – Но больницы, Леша, закрыты.

– Как так закрыты? Совсем?

– Государственные учреждения в праздничные дни не работают. Все поликлиники, больницы. Они закрыты до десятого января.

– А если огнестрельное ранение? – прикинул Леонидов. – Или пожар? Я сам видел, в каком количестве покупают пиротехнику! Определенно будут жертвы.

– Есть приемный покой. Травмпункты.

– Значит, мы идем туда!

– И что мы там будем делать?

– Раз ты смертельно больна, они должны спасти тебе жизнь! Да я из них душу вытрясу! Я все-таки в милиции работаю!

– И ничего этим не добьешься, – грустно сказала Саша. – Пойми ты, мне нужен хороший врач. А не дежурный в приемном покое, который не в себе с похмелья и мечтает только о том, чтобы поскорее смениться и пойти домой, к семье, или к друзьям, к накрытому столу. Праздники, Леша. Мертвый сезон. Тут уж ничего не поделаешь.

– Почему же ты раньше не сказала, что больна?

– Потому что у меня работа. Конец четверти. Елки, наконец. Я же не могу бросить своих детей! Да и заменить меня некем. Сейчас у меня каникулы, и я могу поболеть. Только у всех остальных тоже каникулы.

– Мы что-нибудь придумаем.

– Что?

– Во-первых, нарядим елку. У тебя депрессия. А это прекрасно лечится шампанским. Надо накрыть праздничный стол, пригласить гостей, выпить, расслабиться, вкусно поесть...

– Но я не могу есть!

– Правильно! Ты же еще не пила шампанского! Кстати, ты Барышевым звонила? Как они? Придут?

– Придут.

– Вот и отлично! Давай сначала встретим Новый год, а потом будем думать о болезнях. И о том, как их побороть. Обещаю: сразу после праздников мы всерьез займемся твоим здоровьем.

– Ты мне обещаешь?

- Да. Клянусь.
- Если я переживу эти праздники... – тяжело вздохнула Саша.
- Куда ты денешься? Придет же такое в голову: умирать в Новый год!

...Праздник не получился. Хотя Саша держалась изо всех сил, развлекала гостей как могла, смеялась шуткам и даже пыталась есть. Но Алексей теперь и сам видел, что жене кусок в горло не идет. Даже деликатесы. А он столько всего накупил! Хорошо, Серега в гости пришел, уминает за обе щеки! И как грустно смотрит на него Саша. Барышев – само здоровье. Двухметровый гигант, гора мышц, взгляд как у орла, зубы белой акулы, а могучий желудок жареные гвозди переварит. Леонидов, который сам был невысокого роста и совсем не атлетического телосложения, Сереге всегда завидовал. Выдает же природа такие шедевры! Чтобы вылепить такого вот Серегу Барышева, скольких людей она обделила! Алексея Леонидова, например...

– Что с женой? – спросила его Анечка Барышева, улучив минутку, когда Саша ушла к детям, а муж увлекся юмористическим шоу.

– Сам не знаю.

– На нее же смотреть больно! Кожа да кости! Все женщины мечтают похудеть, но чтоб так... У нее нездоровый вид и худоба какая-то болезненная. Лицо землистое, под глазами круги. Я, конечно, не врач, но и я вижу: что-то с ней происходит. Может, она так на работе устала?

– Я сам целыми днями на работе, – буркнул Алексей. – И тоже устаю.

– Но ты-то не худеешь! Наоборот! Глянь, какое пузо отрастил! – Анечка шутливо похлопала его по животу.

– Но-но! Это в целях безопасности! А вдруг бандитская пуля?

– Хочешь сказать: в жире застрянет? А я ведь помню, какой ты был в девяносто восьмом, когда мы познакомились! Помнишь дело Серебрякова?

– Еще бы не помнить! Расследуя это убийство, я встретил Сашу.

– И даже меня подозревал, помнишь? А какой ты был? Худенький-прехуденький! За удочкой мог спрятаться, как в анекдоте про дистрофиков!

– Я тогда еще не был женат.

– Хочешь сказать: жена откормила? Сашка замечательно готовит, это правда! Тебя-то откормила, а сама...

– Я тебя тоже помню... В девяносто восьмом. Язвить ты не умела, хамить тоже. А меня, между прочим, называла по имени-отчеству: Алексей Алексеевич.

– А ты, никак, обиделся, Алексей Алексеевич?

– Кому приятно, когда указывают на недостатки? Да, я поправился! Я, между прочим, всю жизнь борюсь с собой! Периодически делаю гимнастику и бегаю по утрам.

– А потом, когда заканчивается этот период, ты не делаешь гимнастику и не бегаешь... Бери пример с Сергея, у него таких периодов вообще не бывает.

– Не сравнивай меня со своим мужем. У Сереги на роду написано: спецназ. А я не бегаю, я думаю. Я мозг.

– Хочешь сказать, что мой муж – дурак? – в свою очередь обиделась Анечка.

– Не дурак, но... – Алексей опасно оглянулся.

– О чем секретничаете? – подсел к ним Серега, поймав его взгляд.

– Тебя обсуждаем, – буркнул он.

– Значит, я вовремя!

– Что, телевизор надоел?

– А... – махнул рукой Серега. – Там каждый год одно и то же и одни и те же. Может, пойдём, бабахнем? Фейерверк запустим!

– Рано еще.

- А потом кто его заметит? Все ж пойдут на улицу, бабахать!
- Все равно надо дожидаться полуночи.
- Дети не хотят ложиться спать, – объявила Саша, появившись в дверях. – Требуют фейерверк. Что делать?
- Запускать! – рубанул рукой воздух Серега.
- Подождать, пока все пойдут запускать фейерверки, – посоветовал Леонидов. – Потому что дети все равно проснутся от этого грохота. В конце концов, новогодняя ночь бывает раз в году. Не трогайте их.
- В ответ из соседней комнаты раздался визг. Две девочки, одна Леонидовых, другая Барышевых, что-то не поделили. Матери метнулись их разнимать.
- Ну, как дела, Леха! – хлопнул его по плечу Барышев.
- Нормально.
- А чего такой смурной?
- Жена болеет.
- Тогда лечи!
- Знать бы еще, что с ней...
- Да, старость... – могучая Серегина грудь обозначила вздох. Вырвавшийся при этом из похожих на кузнечные меха легких воздух мог бы раздуть угли в костре, погасшем дня три назад. Леонидов чуть не поперхнулся:
- Кто бы говорил...
- А помнишь, какой я был лет десять назад, когда мы только познакомились? – мечтательно сказал Серега. – Я в день пробегал по восемь километров. А сейчас некогда. Только на спортзал и хватает времени.
- Да что вас всех сегодня на ностальгию потянуло?!
- Так... Еще один год прошел! И какой тяжелый год... А, говорят, следующий будет еще хуже...
- Шел бы ты, Серега... Фейерверк запускать.
- Ты ж сам сказал: после полуночи. Давай лучше выпьем... Водочки.
- Водочки выпьем, – согласился Леонидов.
- Тебе когда на дежурство? – спросил Серега, разливая водку.
- Четвертого.
- А мне второго. Повезло!
- Повезло, что не первого?
- Ага... Ну, давай! С наступающим! – Они выпили. – Есть что интересное? – спросил Серега, жуя соленый огурец. – Или одна бытовуха?
- Она. Преступник пошел какой-то мелкий. Перестали убивать красиво. Ни одного стоящего маньяка за последний год!
- Радуйся.
- И все из-за денег. Все преступления – из-за денег.
- Время такое.
- Да. Время денег. Когда его полно, а денег нет. А они как раз и нужны, когда времени полно. Есть время, чтобы тратить деньги, а тратить нечего. Наступает конфликт. Между избытком свободного времени и недостатком наличности. И люди начинают тратить время на поиски денег. Растет преступность. Потому что разжиться деньгами быстрее всего криминальным способом, к примеру, ограбить банк. Или просто ограбить.
- На философию потянуло? Тебе, Леша, пить нельзя. Ты начинаешь грузить людей своими якобы умными мыслями.
- Я просто готовлюсь к дежурству.
- Думаешь, будет труп?

– Пари?

– Грешно на это пари заключать, – покачал головой Серега.

– Мы все равно ничего не изменим. Аннушка уже разлила масло.

– Чего-о?

– Булгакова ты не читал, понятно. А у меня жена – преподаватель русского языка и литературы. Вынужден поддерживать уровень начитанности, чтобы сохранить брак. А то она уйдет к какому-нибудь критику или филологу. Знаешь главную причину разводов?

– Не сошлись характерами.

– Вот именно. «Мне с ним даже поговорить не о чем». О моей работе говорить противно, находим точки соприкосновения в области литературы. Я «Мастера и Маргариту» три раза читал, – похвастался Леонидов.

– А я кино смотрел... Помню, как чувак на рельсах поскользнулся и ему голову трамваем отрезало. А все из-за растяпы, которая масло разлила. А кого убьют?

– Того, у кого много денег.

– А кто?

– Тот, у кого их мало.

– Тогда работа у тебя будет плевая.

– И хорошо. Мне еще надо придумать, как жену лечить.

– Без пяти двенадцать, – напомнил Серега.

– А где шампанское? И где наши женщины? Барышев – бросок к холодильнику! Шампанское – на стол! Саша! Аня! Дети! Бенгальские огни! Все сюда!

– Главнокомандующий, – усмехнулся Серега, идя за шампанским. – Не гляди, что маленького роста...

– Уже?! – закричали появившиеся в дверях женщины. – Ксюша! Даша! Сережа! Все сюда!

До Нового года пять минут!

– Тихо! Дайте послушать президента!

– Открываю!!! – взревел Серега, поднимая над головой бутылку шампанского.

– Бокалы! Бокалы давайте!

– Бенгальские огни где?!!

– Да тихо вы! Ничего же не слышно!

– Раз, два, три, четыре, пять...

Ба-бах!!! Завизжали женщины и дети, пена пролилась на стол, Серега, как всегда, не смог правильно открыть шампанское, вспыхнули бенгальские огни.

И, как всегда в последнюю минуту уходящего года, Алексей загадал желание. Глядя на измученное Сашино лицо, он подумал: «Здоровья тебе, любимая. Тебе и детям. А я уж как-нибудь...»

Травмы, несовместимые с жизнью

- На Алексеевской старушку задушили...
- Тьфу! И это называется «дело»?
- Алексей Алексеевич, вы едете старшим опергруппы.
- А точно старуху? Не напутала дежурная? То есть, сколько лет потерпевшей?
- Семьдесят два года, – ехидно сказал полковник Матвеев. – Я понимаю, Леша, что ты больше по девочкам специалист, но, извини, ничего другого для тебя сегодня нет.
- Тьфу, – повторил Леонидов. – В таком почтенном возрасте самим помирать надо, а не милицию этим беспокоить.
- Я посмотрю, как ты сам запоешь в семьдесят лет. Жить, Леша, в любом возрасте охота.
- Хотел бы я посмотреть на вас, когда вы посмотрите на меня в мои семьдесят.
- Ты на что намекаешь?! На то, что мне уже на пенсию пора в моем почтенном возрасте?! Мальчишка! – взревел Матвеев. – А ну, кругом! На задание – марш!
- «Мальчишка» в сорок лет! Вот если бы он не уходил из органов, не искал счастья в коммерческих структурах и службах безопасности олигархов, то был бы сейчас... Да никем бы он не был! Характер такой.
- Ну, не начальник я, – вслух сказал Леонидов, засовывая во внутренний карман куртки табельное оружие. Как-никак убийство. А вдруг придется преследовать вооруженного маньяка, лишаящего жизни безобидных старушек путем душения?
- На Алексеевскую!
- Только в машине он сообразил: Алексей Алексеевич едет на Алексеевскую. Каламбурчик получился. Не к добру это. Ох, не любит он эти «знаковые» убийства! Да еще в «мертвый сезон»! Рядом клевали носом судмедэксперт и двое оперов с помятыми лицами.
- Позавчера поросенка доели... – поделился самым сокровенным с товарищами по оружию старлей Кислицкий.
- Какого поросенка? – смачно зевнул судмедэксперт, показав золотые коронки.
- Жареного... Зинка запекла в духовке... Три дня ели... С хреном...
- С хреном...
- А ну, собратсья! – сурово сказал Леонидов. – Работать едем! Хрен отставить!
- Да куда ж его оставить... – пробурчал Кислицкий. – У меня, к примеру, жена молодая...
- А я бабу склеил, – оживился лейтенант Бурундуков. – Прямо под Новый год!
- Сейчас бы поспать, – вновь зевнул судмедэксперт. – А они старушек душат. Покоя людям нет...
- И где тут парковаться? – хмуро спросил полусонный водитель.
- Тесный московский дворик зарос машинами так густо, что найти свободное местечко не было никакой возможности. Большинство из них завалило снегом, люди в эти январские дни сидели по домам, ели и пили, да смотрели телевизор, пережидая затянувшиеся каникулы. И по привычке ворчали: «Эти бы выходные денечки да на май...»
- Зато все дома, – сказал Леонидов. – Свидетелей много, это нам на руку. Какой подъезд?
- Второй.
- Напротив и становись.
- А если запрем кого?
- Мы власть, нам можно. Мы обязаны получить доступ к мертвому телу. – Водитель кивнул и мстительно поставил милицейскую машину прямо перед «кенгурятником» навороченного джипа размером с сарай. – Все, мужики, пошли!
- Мужики нехотя стали вылезать из машины. Леонидов первым подошел к массивной железной двери и внимательно прочитал инструкцию. Сначала – крупные буквы:

– Консьерж – 72.

– Семьдесят два года консьержу? – удивился лейтенант Бурундуков. – Интересное совпадение! Может, это знак?

– Не тупи. Это код. – И Леонидов набрал цифру семь, потом двойку.

– Я с похмелья туго соображаю, – пожаловался лейтенант.

– Да ты, парень, похоже, каждый день с похмелья!

– Алексей Алексеевич! Зачем вы меня обижаете?

– Кто там? – раздалось в динамике.

– Милиция.

– Какая милиция?

– Родная.

– А что случилось?

– Это мы хотели узнать: что у вас случилось? Вы ж милицию вызвали!

– Мы вызывали милицию? – удивился домофон.

– Гражданка, откройте дверь! У вас труп на пятом этаже!

– Бабу Аню убили! – радостно закричала консьержка и нажала на кнопку.

Дверь открылась. Прямо перед Леонидовым была лестница, упирающаяся в стену, густо облепленную гнездами почтовых ящиков, а по левую руку – будочка консьержки. Из окошка по пояс высунулась женщина на вид лет пятидесяти, в очках с плюсовыми стеклами.

– А почему вы сразу подумали, что убили Анну Павловну? – строго спросил у нее Леонидов. – Может, и не ее вовсе?

– А кого ж еще? – и консьержка тут же нырнула в окошко, как улитка в раковину. И даже попыталась закрыть створку-окошко.

– Одну минуту, гражданочка! – Леонидов легко взбежал по ступенькам. – Дверь откройте!

И костяшками пальцев правой руки деликатно, но требовательно постучал в дверь. После небольшой паузы лязгнула щеколда. За открывшейся дверью стояла перепуганная консьержка. Подбородок у нее, как заметил Алексей, дрожал.

– Вы сегодня дежурите? С какого времени?

– С утра, – пискнула женщина.

– Никуда не отлучались?

– Я... В общем-то... – замялась консьержка.

– Понятно. Отлучались. У нас к вам два вопроса. Первый: почему вы сразу назвали имя потерпевшей, как только узнали об убийстве? И, кстати, попали в точку! И второй вопрос: назовите всех, кто вошел сегодня утром в этот подъезд.

– Но были же гости! Я их всех по именам не знаю!

– Гостей кто впускает? Вы?

– Нет. Хозяева. Гости набирают код квартиры, и их впускают.

– А вы спрашиваете, к примеру: к кому?

– Да!

– Отлично! Бурундуков! Займись!

– Есть! – лейтенант также проворно, явно подражая начальству, взбежал по ступенькам, но на последней споткнулся. Выход на сцену получился смазанным, и Леонидов невольно поморщился. С кем приходится работать!

– Составь полный список, – велел он Бурундукову. – Вытряси из нее все, что она знает.

Консьержка невольно попятилась к заваленному книгами и тетрадками столу.

– Гражданочка, – остановил ее Леонидов. – Вы еще не ответили на первый вопрос!

– Я... Ну, как же? – растерялась женщина.

– Почему вы решили, что убита Анна Павловна? Или, как вы говорите, баба Аня?

– Она давала деньги в долг, – пролепетала консьержка. – Я знала, что ничем хорошим это не кончится. Все знали.

– Так. Вы тоже брали у нее деньги?

– Я... – женщина залилась краской.

– Вы брали деньги у потерпевшей. Бурундуков! Отметь это!

– Есть!

– А какой она брала процент? – наугад спросил Леонидов. Выстраивалась цепочка, до боли знакомая еще со школьной скамьи: старушка – деньги в долг – убийство – процентщица.

– Видите ли... – замялась консьержка.

– А конкретно?

– Большой.

– А еще конкретнее?

– Больше, чем в банке. Но она не требовала поручительства. Только расписку.

– И не тянула с рассмотрением заявки. Я так понимаю, в последнее время клиентов у нее было хоть отбавляй. Банки сейчас неохотно дают кредиты, а долгов у людей накопилось много. Как вас зовут? – неожиданно мягко спросил он у женщины.

– Ираида Осиповна.

– Много вы ей должны, Ираида Осиповна?

– Тридцать тысяч, – призналась женщина. И тихо добавила: – Вы не подумайте ничего плохого. Рублей.

Леонидов посмотрел на нее и невольно вздохнул. «Плохое», они же доллары, с Ираидой Осиповной не вязались.

– С процентами или без? – спросил он.

– Без.

– Можно считать, что это мотив, – вздохнул Алексей.

– Да таких, как я, полподъезда! Это не считая соседних! И других домов!

– С размахом, выходит, жила старушка. Бурундуков!

– Я!

– Составляй список.

– Есть!

– Остальные – за мной!

И Леонидов шагнул к лифту.

– Убили старушку-процентщицу, – сказал Кислицкий закрывающимся дверям. – Почему не топором? Почему задушили?

– Мельчает Раскольников, господа, – поправил очки судмедэксперт.

– А, может, меняет пол? – пошутил Кислицкий.

– И это может быть... Мужики работают топорами, а дамочки душат. Не исключаю, что преступник – женщина.

– Приехали! Пятый этаж!

Их встретил собачий лай. Дверь в квартиру потерпевшей была приоткрыта, лай слышался оттуда.

– Я собак не люблю, – пожаловался Кислицкий, не спеша выходить из лифта.

– Кто ж их любит, когда их много? – поежился и судмедэксперт.

– Может, они маленькие? – Леонидов первым вышел из лифта.

– Судя по лаю, да, небольшие, – поддержал его судмедэксперт и тоже шагнул на лестничную клетку.

– Вы, мужики, посмотрите, где они, собаки, и какого размера, а я пока тут подожду, – сказал Кислицкий.

– Отставить! Идем вместе! Стыдно, старший лейтенант! Ты, такой большой, вооруженный мужчина, боишься каких-то маленьких...

Леонидов невольно попятился. На пороге квартиры, в которую он собирался войти, появился некто на четырех лапах, на его взгляд безобразный, сморщенный и отнюдь не маленький. Собака залаяла и рванулась вперед.

– Моня! Тихо! Назад! – В дверях появилась заплаканная женщина лет сорока. – Ой, вы из милиции? Проходите!

– Собачку уберите, женщина, – попросил Кислицкий.

– Да-да! Конечно! Сейчас! Моня! Соня! Ганс! Зюзя! Мальва! Назад! Сюда! Все сюда!

– Сколько же их? – удивился судмедэксперт.

– Штук пять, не меньше, – мрачно сказал Кислицкий.

– Выходит, она жила с собаками, – задумался Леонидов.

– Проходите, – женщина вновь появилась на пороге. – Я заперла их в маленькой комнате. Это мопсы, вообще-то они добрые. Просто разволновались.

Они вошли в квартиру. Если бы Алексей не знал, что убитой были должны полподъезда жильцов, да еще из близлежащих домов, он подумал бы, что здесь живет нищенка. В квартире было грязно, мебель старая, ремонт давно не делался. Паркет на полу вспучился, похоже, хозяйка далеко не каждый день выгуливала своих многочисленных собак, цвет обоев на стенах определялся с трудом, потолок был желтым и весь в потеках. Видать, старушку пару раз заливали, но ремонт она после этого так и не сделала.

У Алексея нашлось одно лишь слово чтобы описать все это: отвратительно! И тут же, в прихожей, лежал отвратительный труп.

Труп был одет в старый, местами вытертый до дыр махровый халат неопределенного цвета и... валенки! Да-да! Самые настоящие валенки! На пятках – кожаные заплатки, Алексей отчетливо разглядел аккуратный шов дратвой. Поясница старушки была обвязана пуховым платком, пух местами сваялся. Сморщенная жилистая шея свернута на бок, на голове – шерстяной клетчатый шарф, на самой макушке торчал клоч седых волос, а на носу – огромная бородавка.

– Она все время мерзла, – шепотом сказала женщина.

– Вы ей...?

– Племянница. Ольга.

– А детей...?

– У нее не было.

– Такая маленькая... – удивился судмедэксперт, нагибаясь над телом.

– Она будто в землю вросла, – все так же тихо сказала племянница. – Усыхала прямо на глазах.

– А где деньги? – спросил Алексей.

– Деньги?

– Она давала деньги в долг. Где она их хранила?

– Идемте, – позвала женщина.

И первой шагнула в большую комнату. Алексей уже понял, что комнат в квартире две. В маленькой лаяли запертые собаки, а в большой, судя по всему, жила сама Анна Павловна. У стены стоял диван, на котором она спала, постельное белье на нем было серого цвета. Племянница Анны Павловны подошла и откинула одеяло и застиранную простыню. Алексей увидел старый матрас.

– Здесь, – сказала Ольга.

– Под матрасом?

– В.

– В?

– В матрасе.

Ольга откинула подушку. Вверху матрас был вспорот, и Алексей увидел, что из него торчат... деньги! Причем доллары!

– Ее что, не ограбили?

– Трудно сказать. Я не знаю, сколько у нее было денег.

Алексей подошел и вытянул из матраса одну купюру. Она пахла старостью, хотя на вид была новенькой. Вообще эти деньги имели отвратительный запах.

– Почему она не сделала хороший ремонт, с такими-то деньгами?

– У тети была катаракта. Она все видела словно сквозь мутную пленку. Ей казалось, что здесь чисто. И красиво, – добавила Ольга.

– А почему операцию не сделала?

– Она боялась умереть под наркозом.

– Умереть?

– Да. Она очень боялась смерти.

– Но так жить... – Алексей покачал головой. – По-моему, это хуже смерти... А вы? Как вы здесь жили?

– Здесь? – удивилась Ольга. – О, нет! У меня семья. Муж, дети. Я живу у мамы... С мамой. Я заходила к ней иногда. Проведать. Она каждый раз грозилась лишить меня наследства, – усмехнулась женщина.

– У вас были денежные затруднения?

– А у кого их сейчас нет?

– Она вам помогала?

– Нет.

– Значит, это вы нашли труп?

– Да. Я. Зашла поздравить ее с Новым годом и...

– Спокойнее. Расскажите подробнее.

– Дверь в квартиру была приоткрыта. Собаки заперты в маленькой комнате.

– Вот как? – удивился Алексей. – Она всегда их запирала?

– Нет, что вы! Я сама удивилась: почему мопсы заперты?

– Сразу удивились? Или потом?

– Не поняла?

– У меня своеобразное чувство юмора, извините. Полагаю, сначала вы испугались. Так?

– Да, – кивнула Ольга. – Я вошла и...

– И что здесь? – спросил появившийся на пороге старлей Кислицкий. – Где собаки? О! А вот и мотив!

Тут и Алексей обратил внимание на валяющиеся на полу каталожные карточки. Разнообразные прямоугольники из плотной бумаги желтоватого цвета, вверху дырка, чтобы нанизывать их на металлический стержень. На таких карточках пишется название книги или газетной статьи, потом из них составляют каталоги или картотеки в библиотеках. Сейчас их в массовом порядке заменяют компьютеры, но раньше, когда компьютеров не было, делали только так. Чтобы найти нужную информацию, надо было обратиться к каталогу. У Анны Павловны тоже, похоже, была картотека. Картотека ее должников. Теперь ящички были перевернуты, а карточки рассыпаны по полу.

Кислицкий сел на корточки и принялся рассматривать разбросанные карточки, стараясь при этом до них не дотрагиваться.

– Откуда это у нее? – спросил Алексей, поднимая одну из карточек. – «Александр Иванович Костиков. 1972 года рождения. Паспортные данные... 25 декабря 2007 года взял тысячу долларов сроком на один год... Долг отдал в срок... 25. 12. 2008 взял две тысячи долларов сроком на один год...» Должник, значит. Так откуда карточки? – перевел он взгляд на Ольгу.

– Она двадцать лет проработала в массовой библиотеке. До шестидесяти пяти лет все работала. И пенсию получала.

– А до того?

– Кассиром в Сбербанке.

– В советское еще время работала... А деньги тогда откуда?

– Какие деньги?

– Стартовый капитал? С чего-то же она начала давать деньги в рост?

– У нее была трехкомнатная квартира. У нас... – Ольга замялась.

– Что за история? Рассказывайте, Ольга... Как вас по отчеству?

– Просто Ольга. Да нечего рассказывать. Их было три сестры, моя мама – младшая. Они жили в центре, в хорошей трехкомнатной квартире. Мама единственная вышла замуж и уехала жить к мужу. Старшая, тетя Саша, лет десять назад умерла. Оказалось, что перед смертью она оформила дарственную на Анну, свою сестру. Они обе были собственницами. Но тетя Саша, поддавшись уговорам, отдала сестре свою долю. А тетя Аня сказала, что три комнаты ей одной – это много.

– А у вас, простите, сколько комнат?

– У нас? Две.

– Вы, муж, двое детей... Я не ошибаюсь? Двое?

– Двое.

– И мама.

– Да. И мама. Дети уже взрослые, – словно оправдываясь, сказала Ольга.

– Еще хуже. Впятером в двушке. Тесновато. И тетя Аня не предложила вам поменяться?

Как-никак, ваша мать тоже имела право на родительскую квартиру.

– Она не предложила, а мы... Никто не хотел связываться с тетей Аней.

– Тяжелый характер?

– О покойниках плохо не говорят... – замялась Ольга.

– Что она сделала с квартирой?

– Обменяла с доплатой на эту.

– Большая была доплата?

– Не знаю. Никто не знает, сколько у нее было денег. Она никогда не говорила о деньгах. То есть, она всегда только о них и говорила, но... Все время жаловалась на расходы. Если я звонила и говорила, что приду, она просила зайти в магазин. Обычно говорила: «Принеси хотя бы хлеба». Но я же не могу прийти в гости с пустыми руками? Иногда тетя Аня просила купить дорогие лекарства. Потом я поняла, что деньги с нее надо брать вперед.

– Тетя не отдавала денег, потраченных вами на лекарства для нее?!

– Никогда!

– Вы ее ненавидели?

– Ее все ненавидели. Я такого вселенского эгоизма еще ни разу в жизни не встречала!

– Как вы сказали? – удивился Алексей. – Вселенского?

– А как еще это назвать? Человек жил только для себя. У нее ни о ком не было заботы...

– А собаки?

– Собаки? Ах, да... Собаки...

– Оля, почему мопсы?

– Я никогда не спрашивала. Мне было все равно, какие у нее собаки.

– А вы бы какую породу выбрали?

– Я? – Ольга вздрогнула. – Только этого мне не хватало!

– Вы не любите собак?

– Я не люблю все, что связано с тетей Аней. Это была неприятная родственная обязанность. Согласитесь, родственные обязанности могут быть и приятными.

– Да, если бы тетя вошла в ваше положение. И помогала бы вам материально. Но она относилась к вам, как к какой-нибудь сотруднице собеса и поставщику бесплатных лекарств. Ведь так?

– У нее был тяжелый характер. Патологическая жадность.

– Это я уже понял. Борис, ну что там? – спросил Алексей у Кислицкого.

– Преступник, похоже, искал свою карточку.

– Как думаешь, нашел?

– Думаю, да.

– Тогда у нас мало шансов найти его. Это очень тяжелая, кропотливая работа. Узнать всех, кто был ей должен, потом исключить тех, кто есть в этой картотеке. Чтобы найти того одного, чья карточки здесь нет. А если он для страховки изъял несколько карточек?

– И что делать, Алексей Алексеевич?

– Это длинный путь. А есть короткий.

– Какой? – оживился Кислицкий.

– Дедуктивный метод. Про Шерлока Холмса слышал?

– Это ж фантастика!

– Садись-ка ты, парень, вот в это кресло, – указал Алексей на колченогое чудовище, сделанное еще в начале прошлого века, не иначе, – выкури трубку, попиликай пару часиков на скрипке, и к вечеру назови мне имя преступника. Все, что для этого нужно, – перед тобой. Только труп скоро заберут в морг, ты уж не обессудь. Но улики у тебя предостаточно.

– Скажете тоже! Я ж месяц назад курить бросил! Меня Зинка убьет! Курить! И потом: здесь собаки, – поежился Кислицкий. – Не хочу я здесь до вечера оставаться.

– Тогда у нас глухарь.

– Скажете тоже!

Алексей тяжело вздохнул. Дело на первый взгляд простое, мотив понятен, орудие убийства искать не надо, свидетелей – хоть отбавляй. Но в этом-то главная проблема! Половина из тех, кого он будет опрашивать, была должна убитой! Следовательно, все они будут врать, всячески скрывая этот факт, потому что долг – это мотив. И как отличить их от второй половины? От тех, которые денег у бабы Ани в долг не брали, которым скрывать нечего и они, следовательно, говорят правду? По картотеке проверить? Но там же нет карточки убийцы! Он ее изъял и на сто процентов уничтожил! За тем и приходил!

– Алексей! – позвал его из прихожей судмедэксперт.

– Что там?

– Рядом с телом лежала.

Судмедэксперт протянул ему визитную карточку. Удача! Но радоваться было рано, как оказалось. В руках у Леонидова была всего-навсего визитная карточка медицинского центра. Белый прямоугольник, вверху крупными синими буквами написано: «МЕДРАЙ». А чуть ниже, помельче: «сеть клиник».

Еще ниже от руки: 5/01 10.00

«Чернила синего цвета, – машинально отметил он. – Возможно, это писал убийца». Но не факт. Леонидов понюхал карточку. Ни еле уловимого аромата духов, ни запаха табака, указывающего на то, что она лежала в кармане у заядлого курильщика. Никаких косвенных признаков. Ни-че-го. Только 10.00. Пятого января.

– Уже кое-что, – сказал судмедэксперт. – Печка, от которой можно плясать.

– «Медрай» – что это?

– Там же написано: сеть клиник. Обрати внимание на адрес.

– Адрес, адрес... Да это же в двух шагах отсюда! Слушай, я возьму это себе. А что по трупу?

– Убить ее мог и ребенок. Тщедушная старушка роста ниже среднего... Насчет ребенка я, конечно, погорячился, а вот подросток – вполне. И, разумеется, женщина.

– Она, похоже, хорошо знала убийцу.

– Именно. Потерпевшая подумала, что он (или она) пришел отдать долг или взять денег в долг. Посмотрела в глазок, открыла ему дверь. Дальше, возможно, была ссора. Слово за слово, и разозленный убийца принялся ее душить. Если она и сопротивлялась, то слабо. Потом он отбросил бездыханное тело и...

– Пошел в комнату, чтобы порыться в картотеке должников. Что с отпечатками?

– Если только в комнате.

– Что ж, будем дактилоскопировать всех жильцов этого дома. А также близлежащих домов. Весь микрорайон будем дактилоскопировать! Да что там! Всю Москву! Кто знает, как далеко раскинул свои щупальца спрут? Лет через сто мы его непременно найдем, убийцу. А это что? – Алексей поднял валяющуюся на полу трость. – В упаковке.

Ручка и сама трость были обернуты целлофаном.

– Новенькая, из магазина, – сказал судмедэксперт. – Дактилоскопировать невозможно.

– Она купила?

– Похоже на то. Купила и оставила под вешалкой. Но распаковать не успела. Во время возни в прихожей они задели трость, та упала.

– А если трость принес убийца? – предположил Алексей.

– Тоже вариант. В общем, думай. Ты это хорошо умеешь, – пошутил эксперт.

– А что я умею делать плохо?

– Все остальное, – сердито сказал коллега и нагнулся над трупом.

– Думаешь, мне обидно? Да ничуть! На спор, я раскрою это дело за пару дней.

– Ты, Леша, хвастун, – сердито сказал эксперт.

– Спорим?

– Не буду я с тобой спорить. Я работать буду.

– Зря, – Алексей перевел дух. Повезло! Дело сложное, он и сам так сказал Кислицкому. – Интересно, когда она в последний раз выходила из дома? Надо спросить у консьержки. Когда это случилось? – он кивнул на труп.

– Между десятью и одиннадцатью часами утра.

– А позвонили в одиннадцать... – задумчиво сказал Алексей.

Он прошел на кухню. Здесь тоже все было загажено, а на полу в ряд стояли миски с остатками еды. Хозяйка не баловала своих мопсов деликатесами, вываливала им и прокисший суп, и протухшую картошку, отчего запах в кухне стоял отвратительный. Алексея даже замутило, хотя за годы работы в розыске ему приходилось видеть всякое.

Посреди этого безобразия, нелепый в своем кремовом великолепии, среди грязных чашек и невымытых тарелок на кухонном столе красовался торт.

– Это вы принесли? – спросил у появившейся в дверях Ольги Леонидов.

– Да, я. Хотела поздравить ее с Новым годом.

– Это был запланированный визит?

– Да, я всегда приходила четвертого.

– Почему?

– Новый год мы вот уже много лет встречаем дома, с семьей, – пояснила Ольга. – Первого, к вечеру, едем к родителям мужа. Второго возвращаемся. Третьего к нам обычно приходят гости, друзья семьи, четвертого с утра я мою посуду и...

– И еще одна неприятная обязанность: навещаете тетю. Потому что седьмого Рождество. Шестого вы сами идете в гости, ведь так?

– Да.

– А пятое портить не хочется.

- Поймите меня правильно...
- Я все понимаю: грязная посуда к грязной посуде, – кивнул Алексей на засаленные тарелки. – Сестра к ней приходила?
- Мама? Она болеет.
- Сколько ей?
- Шестьдесят два.
- А ваш муж? Он сюда приходил?
- О! Что вы!
- Ольга, вы святая. Или... Вам очень нужны деньги? Последняя надежда, да? Кто наследник всего этого?
- Мама.
- Это все равно, что вы. Теперь вы решите квартирный вопрос, ведь так?
- Здесь столько ремонта... – беспомощно сказала Ольга.
- Но денег в матрасе много. Вы их уже считали? – в упор спросил Алексей. Женщина покраснела.
- Не думаю, что вы ее душили, – усмехнулся он. – Хотя я бы на вашем месте не удержался. Скажите честно: думали об этом?
- Отстаньте от меня! – Ольга села на расшатанный табурет и горько заплакала.
- Вы ведь не по тете плачете. А почему? Оля, почему?
- Отстаньте...
- Я не могу исключить вас из числа подозреваемых, – тихо сказал Алексей.
- Делайте что хотите... Мне все равно...
- Он, содрогаясь от отвращения, открыл холодильник. Оттуда пахло плесенью и прогорклым сливочным маслом. Прямо перед Алексеем были открытые пакеты с прокисшим молоком, открытая коробочка с заплесневевшей сметаной, желтый творог, засохший сыр... Он, пересилив себя, вынул один из пакетов с молоком. За ним стояла открытая банка с... черной икрой!
- А старушка себя баловала... – удивленно протянул Леонидов. – Ну-ка, ну-ка...
- За черной икрой притаилась непочатая банка красной, внушительный кусок осетрины, балык, крабы, нарезка семги... Хозяйка прятала их за негодными, потерявшими товарный вид продуктами. Каждый, кто заглянул в ее холодильник, спешил скорее его закрыть. Алексей вынул банку икры, понюхал: свежайшая!
- Что это? – удивилась Ольга и даже перестала плакать.
- Ваша тетя, похоже, с размахом встретила Новый год.
- Я не знала, что она покупает такие дорогие продукты!
- Вас она никогда не угощала черной икрой?
- Что вы!
- А что было на столе, когда вы приходили в гости?
- Я старалась здесь не есть... Мы только пили чай. С тем, что я приносила.
- Скажите, а вы часто едите черную икру?
- Я ее никогда не ела! – с вызовом сказала Ольга.
- Штрихи к портрету, – усмехнулся Леонидов и убрал икру обратно в холодильник. – Боря! – крикнул он.
- Скоро на кухне появился Кислицкий.
- Фу-у! – сказал тот, потянув носом. – Кислятиной пахнет!
- Не поймешь, чем тут пахнет, – пожаловался Алексей. – Аж голова заболела. Я, пожалуй, загляну к соседям. Пока все соберутся... И где, спрашивается, участковый? Где прокуратура? Протокол-то будем составлять?

– Так праздники же... – напомнил Кислицкий. И, глядя в потолок, добавил: – В пробках они стоят...

– Я уже понял, в каких пробках они стоят.

– Надо бы составить список украденных вещей, – задумчиво сказал старший лейтенант.

– Вот и работай. Оля! Перестаньте плакать и помогите сотруднику милиции!

– Вроде, ничего не пропало, – всхлинула та. – Из вещей. Да что тут брать-то?

– А вы проверьте!

«Портрет явления», – подумал Леонидов, выходя из отвратительной квартиры, где лежал отвратительный труп. «Зачем человек жил? Зачем ей, спрашивается, такие огромные деньги? Она и сама этого, похоже, не знала. Просто копила, повинуюсь инстинкту. Копила, копила, копила... Давала деньги в рост, брала сумасшедшие проценты, а новенькие доллары клала в матрас. Фантазия у Анны Павловны была небогатая, дальше банки черной икры не распространялась. Похоже, сюда, в эту грязную квартиру, стекались деньги жильцов дома, близлежащих домов тоже, и на этом их путь заканчивался. Отвратительно!»

Он даже почувствовал невольную симпатию к убийце. Ольга это, ее муж или кто-то из должников старушки-процентщицы. Благое дело сделали.

«Опомнись!» – одернул он себя. – «Человека убили! Иди и работай!»

Леонидов тяжело вздохнул и позвонил в соседнюю квартиру. Не открывали долго. Потом на пороге появился небритый мужчина в грязной тельняшке, от которого разлило перегаром.

– Че надо?

– Вы сосед?

– Че?

– Вот там, – Леонидов ткнул пальцем влево. – Живет бабушка. Вернее, жила.

– И че?

– Вы были должны ей денег, – наугад забросил он.

– И че?

– А отдавать не собирались.

– Ну и че?

– А как вы собирались после этого жить?

– Слушай, ты кто? – сообразил наконец мужик.

– Сотрудник милиции.

– А к-какое с-сегодня число? – с трудом выговорил его собеседник и облизнул сухие губы.

– Четвертое января.

– Елки! Четвертое! А куда ж третье делось? Вчера ж еще было первое!

– Туда же, куда и второе. Похоже, друг, ты его проспал.

– Заходи! – хлопнул его по плечу мужик. – Выпьем!

– Тогда, боюсь, мы и пятое потеряем.

– А и х... с ним! Главное, Рождество не проспять!

– Ты что, не слышал? Я из милиции!

– Да ну?! Извини, мужик, – виновато сказал его собеседник. – Не признал. По телику вы, менты, ростом повыше.

– Любишь смотреть детективы?

– А то!

– Поздравляю: ты можешь принять участие в съемках. Только надо пройти тест. Вопрос первый: что можешь сказать по поводу соседки?

– Мрачная бабуленция. Жадина и скряга.

– Как ты с ней жил?

– Я с ней никак не жил. Мне, мужик, нравятся бабы раза в три моложе.

– А как сосед с соседкой? Ладили?

- Не-а.
- Ты что-нибудь помнишь из сегодняшнего дня? – безнадежно спросил Алексей. Он уже понял, что про третье и второе января товарища спрашивать бесполезно.
- Ну, встал... – наморщил низкий лоб сосед бабы Ани. – Похмелился. Потом опять лег.
- Твоя фамилия Костиков? – догадался Алексей.
- Точно!
- Александр Иванович?
- Он самый! А ты кто?
- Вот и первый подозреваемый в убийстве! Вернее, второй. Первая – племянница.
- Две тысячи долларов сроком на один год. Костиков, а зачем тебе доллары?
- Дык, кредит...
- Машина?
- Ну...
- Иномарка?
- Дык...
- Разбил?
- Ну, ты скажешь!
- Помял?
- Дык...
- Пьяный был?
- Ха!
- Выпивши?
- Мужик, кто не выпивает?
- Ты, часом, не бомбила?
- Дык!
- Теперь тебе, Александр Иванович нужны деньги на ремонт... – задумчиво сказал Алексей. – Пока страховщиков дождешься, а ездить на чем-то надо... А кредит еще не выплачен. Вы сегодня заходили к соседке, Александр Иванович? – официально спросил он.
- Не помню, – честно признался тот.
- Твою мать! – разозлился Леонидов. – Вот как с вами жить! Ты ж ближайшие десять, а то и пятнадцать лет можешь провести в колонии строго режима!
- За что?!!
- Соседку твою убили, вот за что!
- Неужто я?!
- Он даже не помнит... «Работа у тебя будет плевая...» – вспомнил Алексей Серегу Барышева. Это вообще не работа. Это...
- Бред какой-то! Сиди здесь, тобой займутся, – велел Алексей перепуганному Костикову и спустился этажом ниже.
- Новенькая железная дверь. В ней – глазок. Как только Леонидов позвонил, за дверью раздались шаги, но открывать ее не спешили. Он мог поклясться, что с той стороны к глазку приник некто.
- Откройте, милиция, – Алексей достал из кармана удостоверение и прислонил к глазку. Тут же в замке повернулся ключ. Дверь открылась на длину металлической цепочки.
- Можно взглянуть? – поверх цепочки протянулась рука, густо поросшая рыжими волосами.
- Алексей вложил в нее удостоверение и, пока мужчина внимательно изучал документ, постарался, в свою очередь, разглядеть его.
- Главное: мужчина был трезв. К такому состоянию подходит определение «как стекло». И сразу напрашивается вопрос: болеет? Чтобы ТАК не пить... Все-таки четвертое января. Или...

ему на работу? Ответственный пост, радеет за «наше общее дело», боится сокращения... Всякое бывает.

У мужчины, как и у всех рыжих, была очень светлая кожа. Он был рыхлый, весь обсыпан веснушками, как сдобная булочка маком, а сверху облит огненным ромом волос, так что при виде него у всякого враз просыпался аппетит. Леонидов невольно причмокнул. А дома столько всего вкусного осталось!

– Семушка, кто там? – раздался из глубины квартиры женский голос. Судя по тембру, его владелица была дама в возрасте и обременена многочисленными болезнями.

Семушка! Алексей невольно улыбнулся. Какой «съедобный» товарищ! Не Семушка, а именно Семужка. Красная рыбка, лоснящаяся от выступившего на ней жирка, слабосоленая, подкопченная, да с пивком... Он опять невольно причмокнул.

– Мамуся, не вставай, тебе нельзя!

– Кто там пришел?

– Никто! Мамусе нельзя волноваться. – Семужка сам покраснел от волнения, отчего стал еще больше похож на рыбный деликатес. – У нее гипертония.

– А у нас труп. Извините, но вынужден вас побеспокоить.

– Как труп? – до самых корней волос залился краской Семужка. Он очень легко краснел, наверное потому, что кожа была светлая, тонкая. Даже веснушки теперь исчезли, главная его «вкусность».

– Вашу соседку убили.

– Соседку?

– Сверху. Анну Павловну. Может, вы меня впустите в квартиру?

– Заходите.

Семужка сделал пару шагов назад, и Алексей сумел протиснуться в прихожую. Эта квартира тоже была двухкомнатной, но, как говорится, небо и земля! Здесь недавно сделали хороший ремонт, на стенах красовались дорогие новенькие обои, на полу звенел ламинат, а на стене сиял затейливый светильник. Алексей невольно принюхался: чем пахнет?

«Да у меня, похоже, обонятельные галлюцинации! Случается и такое, если полчаса побыть в квартире Анны Павловны!»

– На кухню проходите, – пригласил Семужка и тут же поспешно прикрыл дверь в большую комнату. – Мамусю не хочу беспокоить.

– У меня к вам пара вопросов... Как ваше имя – отчество, простите?

– Семен Ильич.

– Леонидов Алексей Алексеевич, майор милиции...

– Я ознакомился с вашим удостоверением.

– Вот и отлично! У меня к вам пара вопросов, Семен Ильич. Может, вы что-то видели или что-то знаете? Что-то, что может помочь следствию.

– Я с удовольствием... Только, пожалуйста, потише, – попросил Семужка. – Она приняла лекарство и легла.

– Вы живете вдвоем?

– Да. Я и мамуся.

«Какой заботливый сын!» Леонидов прикинул: Семужке на вид лет сорок. Давно пора иметь жену, детишек. А он живет с мамусей и в эти праздничные январские дни сидит с ней, сторожит ее гипертонию. Наверняка всю зарплату, до копейки, отдает мамусе. В квартире хороший ремонт, на кухне, куда хозяин пригласил незваного гостя, чистота и порядок.

Едва они вошли, Семужка поспешно схватил со стола начатый пакет сока и убрал его в холодильник.

«Чистюля», – с уважением подумал Алексей. Контраст с квартирой, находящейся этажом выше, был поразительный! Его до сих пор преследовал этот жуткий запах!

– Садитесь, – пригласил Семужка. – Чаю хотите?

– Спасибо, нет.

– У меня остался торт. С Нового года. Не беспокойтесь, у него срок годности еще не истек, – торопливо сказал Семужка. – Неподалеку есть булочная-кондитерская, о ней мало кто знает. Там пекут дивные торты. Попробуйте.

– Если можно, просто чаю, – улыбнулся Алексей. И пожаловался: – Такого насмотрелся в квартире вашей соседки сверху! Кусок в горло не идет!

– Понимаю. – Семужка включил электрический чайник и все-таки достал из холодильника остатки кремowego торта. Точь-в-точь как на кухонном столе в квартире этажом выше. Едва взглянув на него, Леонидов почувствовал новый приступ дурноты.

– В каких отношениях вы были с Анной Павловной? – спросил он у Семужки, поспешно отводя взгляд от торта.

– Ни в каких.

– Она вас не беспокоила?

– В каком смысле?

– С соседями часто бывают проблемы.

– У нас с Анной Павловной никаких проблем не было.

– Сколько вы ей были должны?

– Не понял?

Семужка замер с чайником в руке.

– У нее все брали денег в долг. Вот я и спрашиваю: сколько?

Семужка опять залился краской до самых корней волос и покачал головой:

– Я не брал у нее никаких денег.

– Ольга, ее племянница, нашла в картотеке покойной вашу карточку. И вашу расписку в бумагах, – соврал Алексей. – Так что отпираться бессмысленно.

– Ваша Ольга врет, – сердито сказал Семужка. – Зовите ее сюда! Зовите, ну же! И расписку несите! Я уверен, что это подделка! Господи, неужели ей денег мало? – всплеснул он пухлыми ручками.

«Не брал...»

– Это была проверка, – смущенно сказал Леонидов. – Расписки и в самом деле нет.

– И не может быть! Потому что я не брал у нее денег! – разволновался Семужка.

– Если можно, мне зеленый чай. У вас есть зеленый чай?

– Что? Да, есть. Одну минуту.

Семужка немного успокоился, пока искал в кухонном шкафу зеленый чай. Похоже, он болезненно реагировал на любую несправедливость по отношению к себе. Вот и сейчас разволновался. Как же! Ведь его пытались оболгать!

«Похоже, мне повезло, – подумал Алексей, пока хозяин заваривал ему чай. – Я нашел одного из немногих, кто не ходил к покойнице за деньгами и у кого, следовательно, не было мотива для убийства. Это ценный свидетель».

– Господи... Да кто тут? – в кухню, охая и держась рукой за поясницу, вошла грузная пожилая женщина. Лицо у нее было одутловатое, глаза карие, навывкате, а волосы, как и у Семужки, огненно-рыжие. Приглядевшись, Алексей понял, что они выкрашены хной.

– Мамуся! – затрепетал Семужка. – Я же просил тебя не вставать! Это по делу, – он бросил умоляющий взгляд на Леонидова. – Мой коллега по работе.

– Да какая работа в праздники?

– Ты зачем встала? Тебе что-нибудь принести? Может, попить? Или ты есть хочешь? Хочешь, я тебе погрею куриного бульона? Ну, зачем ты встала? – засуетился Семужка.

– Да сколько ж можно лежать-то? – проворчала мамуся. – В туалет я встала.

– Тебя проводить?

– Сама дойду.

Все так же охая, она направилась к двери в туалет.

– Ей нельзя волноваться, – торопливо сказал Семужка, едва закрылась щеколда. – Они с Анной Павловной были подруги.

– Подруги? – удивился Леонидов.

– Они почти ровесницы.

– Во сколько же лет она вас родила? – еще больше удивился Алексей. – За сорок?

– Это не важно. Если она узнает, что Анна Павловна умерла, она очень расстроится. Мамуся болезненно переживает смерть своих сверстниц. Я ей потом скажу, когда давление будет пониже. Ей сейчас очень плохо.

– Праздники, что ли, хорошо встретила?

– Что вы! Мы вообще не пьем! А вот вкусно поесть... – Семужка тяжело вздохнул. – Она ведь как ребенок. Только, говорит, и радости у меня осталось, что покушать. А ей же нельзя ни жирного, ни острого, ни соленого, ни...

Лязгнула щеколда.

– Вы мне скажите, куда прийти, – заторопился Семужка. – В прокуратуру или... А сейчас не надо... Я вас прошу...

– Извините, – Алексей поднялся. И тихо сказал: – Если надо будет, я вас вызову повесткой.

– Хорошо, – так же тихо сказал Семужка.

– Ох! Отрежь мне колбаски, что ли... – вновь появилась в дверях кухни мамуся. – Чего-то хочется, а чего, и сама не знаю...

Семужка посмотрел на Алексея и пожал плечами. «Вот видите!» – понял этот взгляд Леонидов.

– До свидания, – громко сказал он.

Мамуся глянула на него подозрительно:

– Что-то я тебя раньше не видела. Али замышляете что?

– Мамуся, я же тебе сказал: коллега! – аж вспотел от волнения Семужка.

– Ежели ты куда собрался, звони Сашке. Пушай он ко мне придет, слышишь?

– Да никуда я не собрался!

– Вот и сиди тут!

«Портрет явления, – вновь подумал Алексей, когда за ним захлопнулась дверь. – Деспотичная старуха-мать и хороший сын. Слишком уж хороший. И отойти, бедняге, никуда нельзя, а Семужке, наверное, охота с друзьями посидеть, пивка попить. Как-никак, праздники! Она же вцепилась в него мертвой хваткой! А если бы у меня была такая мать?» Алексей невольно вздрогнул.

Теперь-то он понял, как ему повезло! Мама звонит только в случае крайней необходимости, а в остальное время терпеливо ждет его звонка, хотя она тоже в возрасте и тоже болеет. Но у нее много подруг, масса каких-то дел, которые молодым и работающим покажутся сушими пустяками, а для пожилого человека и на рынок съездить целое событие! Впрочем, мама и в санаторий ездит, на юг, по бесплатной путевке, причем одна! Не боится ни поездов, ни соседок по номеру, с которыми может характером не сойтись, ни плохой погоды. Понятно, что в сезон бесплатных путевок не дают. Но пенсионерам не море важно и не солнце. Смена обстановки, хорошее питание, лечение, а главное – общение. Некоторые напрягают им детей. Алексей покосился на железную дверь, за которой Семужка остался утешать мамусю.

В общем, замечательная у него мама! Утвердившись в этой мысли, Леонидов вновь поднялся на пятый этаж и позвонил в квартиру справа. На лестничной клетке было три двери, эта квартира была последняя, им неохваченная. Ему открыла симпатичная блондинка. Настолько симпатичная, что Леонидов невольно втянул живот и выпрямил спину. И выдохнул:

– Здравствуйте!

– Приве-ет... – томно протянула блондинка и на всякий случай улыбнулась. – А почему не позвонил?

– В смысле?

– Предупредил бы, что зайдешь. У меня выпивки не осталось.

– А закусить найдется?

– А у тебя с собой есть?

– Не с пустыми же руками я пришел!

– Ну, заходи... – посторонилась хозяйка.

Протискиваясь в прихожую, Алексей невольно коснулся упругой груди, и его обдало жаром. Совсем близко он увидел раскосые глаза с огромными зрачками и понял, что блондинка она не натуральная, а крашенная. Высокие скулы, ровные дуги бровей, точеный прямой носик и рот, похожий на сердечко. Девушка была восточных кровей, но красилась в блондинку. Впрочем, это ее не портило. Она была сложена, что называется, косточка к косточке: худые длинные ноги с узкими ступнями, такие же тонкие, шелковистые руки с нежными пальчиками, ногти идеальной овальной формы, и на длинной шее – маленькая изящная голова.

С трудом вынырнув из омота ее миндалевидных глаз, Алексей попытался дышать ровно. Какая ж это мука, допрашивать красавиц!

– Что стоишь? – улыбнулась девушка. – Проходи!

– Куда?

– В комнату, куда ж еще? – она опять улыбнулась.

Это была ее особенность: девушка все время улыбалась. Улыбку можно было бы назвать дежурной, если бы девушка не была так прекрасна. Казалось, что она стесняется своей красоты, потому и улыбается, словно извиняясь: «Да, такая я. Вы уж простите». Это было так мило...

Алексей прошел в большую комнату, чувствуя спиной теплое дыхание хозяйки. Там был, мягко говоря, бардак. Но не тот, что царил в квартире полуслепой старухи, вовсе нет. Это был милый беспорядок в уютном гнездышке, что свила себе красивая женщина, повсюду валялись ее вещи, такие же очаровательные, как и она сама: косметика, духи, изящные безделушки и даже деликатные предметы из нижнего белья.

Красавица улыбнулась и, покачивая бедрами, неторопливо прошла к дивану и медленно, нехотя, взяла с него кружевной лифчик, который засунула потом под подушку. Обернулась и сказала:

– Что стоишь? Садись!

Алексей сел в кресло.

– А выпивка где? – спросила девушка, присаживаясь на диван.

– Как тебя зовут?

– Наташа.

– А по паспорту?

– Зачем тебе паспорт? – удивилась она.

– Потому что я из милиции.

– Из милиции? Где ж мы с тобой познакомились? – наморщила лобик хозяйка.

– Мы познакомились минуту назад, когда я позвонил в твою квартиру. Ты впускаешь всякого, кто говорит, что принес выпивку?

– Ты... Ты кто?

– Я же сказал: из милиции. Твою соседку убили. Давай-ка сюда свой паспорт.

– Нет! – она забилась в самый угол дивана, схватила подушку и прижала к себе. Алексей опять увидел кружевной лифчик.

– Что, прописки нет?

– Нет!

– Ты снимаешь эту квартиру, так?

– Так!

– Давай паспорт.

– Нет! Не надо! Нет!

– Мне что, участкового позвать?

Участкового она испугалась еще больше. Тут же отбросила подушку и легко, как козочка, соскочила с дивана.

– Неси, – велел Алексей.

Она скакнула в соседнюю комнату. Леонидов вздохнул, встал и вновь прикрыл подушкой кружевной лифчик. Так спокойнее.

– Вот, – девушка дрожащей рукой протянула ему паспорт.

– Хотя бы российский, – проворчал он, открывая документ. – Так. Наиля Амирхановна.

Это ты?

– Да, я, – она жалко улыбнулась.

– А почему Наташа?

– Мужчинам нравится.

– Ты занимаешься проституцией?

Она опять улыбнулась.

– Да сядь ты, – с досадой сказал Алексей.

Наиля поспешно села на диван и, схватив подушку, прикрыла ею голые колени. «Я не буду туда смотреть». Леонидов имел в виду вновь засветившийся кружевной лифчик.

– Откуда приехала?

– Казань.

– А говорят, у вас там жизнь хорошая.

– А ты съезди да проверь! – неожиданно огрызнулась она.

– Что можешь сказать по поводу соседки?

– Какой соседки?

– Анны Павловны.

– Не знаю такой!

– Как не знаешь? Бабку, что жила на твоей лестничной клетке, не знаешь?

– Ах, ты о бабе Ане!

– О ней. Что можешь сказать?

– Ничего!

– Ты брала у нее денег в долг?

– Нет!

– Мы все равно узнаем, если брала.

– Нет!

– У нее была картотека должников. Она хранила все расписки.

– Нет!

«Брала...»

– Давно снимаешь квартиру?

– Эту?

– Эту.

– Второй год, – равнодушно ответила Наиля.

– Сколько платишь?

– Штуку.

– Долларов?

– Не рублей же, – улыбнулась она. На этот раз улыбка была злой.

– Это еще по-божески.

- До кризиса было больше. Потом с хозяином договорились.
- Натурой взял сверх того?
- Тебе-то какая разница? – это уже была не улыбка, оскал. – Ты мне мама, папа?
- Что делала сегодня?
- Спала!
- Шум в квартире напротив слышала?
- Нет!
- К тебе кто-нибудь сегодня приходил?
- Нет!
- Быть может, кто-то у тебя ночевал?
- Нет!
- Послушай... Мы ведь все равно узнаем.
- Узнавай.
- Какая ж ты... Несговорчивая.
- Я сговорчивая, – она улыбнулась. Томно, явно заигрывая с ним. Леонидов понял, что ему предлагают взятку.
- Старый я уже для таких игр, – сердито сказал он и поднялся. Искушение было слишком велико.
- Тоже мне, старый, – хмыкнула Наиля. – Жены боишься? Или начальства?
- Себя боюсь, – честно признался Алексей. – Я к тебе, пожалуй, лейтенанта пришлю. Кислицкого. Нет. Он женат. Бурундукова. Как только он с консьержкой закончит, скажу, чтобы зашел сюда. С ним попробуй поиграть, он оценит.
- При слове «консьержка» Наиля побледнела. У нее кто-то сегодня был, определенно. И деньги у бабы Ани она в долг брала. Знала, что та хранит крупные суммы не в банке, а дома, в матрасе. Или не знала? Надо разобраться.
- Сиди тут, – велел Алексей и вернулся обратно на лестничную клетку. Навстречу ему из лифта вышел следователь. – О! Прокуратура приехала! Наконец-то! А что так задержамшись?
- Что тут у вас? – поморщился следователь.
- У нас, – поправил Леонидов. – У нас тут труп. Убита старушка-процентщица.
- Алексей Алексеевич, я бы вас попросил... – вновь поморщился следователь. – Можно без шуток? Голова прямо раскалывается.
- А я не шучу. Именно старушка, и именно процентщица. Подозреваемых – хоть отбавляй!
- Это хорошо, – оживился следователь. – Ну, давайте начинать. Надо все тут быстро... – и он потрогал рукой лоб. – Твою мать! Голова болит, сил нет!
- Может, таблетку? – заботливо спросил Алексей.
- Да пил уже! Черт бы побрал эти праздники!
- Черт бы побрал эти суточные дежурства в праздники.
- Вот именно.
- Здравия желаю! – раздалось громогласное.
- Они оба вздрогнули и одновременно повернули головы. По лестнице к ним поднимался сияющий Бурундуков.
- Тише ты... – простонал следователь.
- Почему пешком, Бурундуков? – поинтересовался Алексей.
- Чего тут идти? Всего-то пятый этаж! Ваше задание выполнено, Алексей Алексеевич! – гаркнул лейтенант. – Консьержку я допросил! Какие еще будут указания?!
- Не орать, – сквозь зубы сказал следователь.
- Ты вот что, Петя... – невольно улыбнулся Леонидов. – В квартире напротив томится молоденькая и очень хорошенькая проституточка. Надо осадить, понял?

– Есть!

– О Господи! – следователь схватился за голову и поспешно нырнул в квартиру потерпевшей.

– Разрешите выполнять?!

– Разрешаю. Вперед, Бурундуков! Она тебя будет соблазнять, но ты должен вести себя как офицер, а не как мужчина. Проявить морально-волевые качества, силу духа, на провокацию не поддаваться и, в свою очередь, раскрутить ее на правдивые показания и прийти ко мне... – Леонидов посмотрел на часы, – через час, с протоколом. Это и есть твое ответственное задание, Бурундуков. Справишься?

– Опять вы меня обижаете, Алексей Алексеевич. Что мы, проститутки не видали?

Лейтенант хлопнул длинными, как у девушки, мохнатыми ресницами, подтянул ремень и отправился выполнять задание начальства. Алексей невольно улыбнулся: «Ну-ну...»

... Часа через два они закончили осмотр места происшествия и определились не только с мотивом, но и с подозреваемым.

– Давай, шагай, – Кислицкий подтолкнул к машине хмурого, небритого Александра Костикова.

– Мужики, а может, не я?

– В машину садись, – еще один тычок. – А вы, Алексей Алексеевич?

– Да. Иду.

– Поехали уже, – нетерпеливо сказал водитель.

– Кого-то не хватает, – сообразил Леонидов.

– Как так: не хватает? – возразил водитель. – Сюда нас сколько приехало? Четверо, считая меня. А обратно сколько едет? Четверо!

– Точно! – подтвердил Кислицкий. – Садитесь же, Алексей Алексеевич! Поехали!

– А четвертый кто? Подозреваемый! Костиков четвертый! Елки... Бурундуков! – Леонидов взглянул на часы.

– В самом деле, а где Петя? – удивился водитель.

– Подождите минут пять, мужики. Я сейчас.

Леонидов вернулся в подъезд и поднялся на пятый этаж. «Я давал Бурундукову час... – подумал он и глянул на наручные часы. – Перебор».

Дверь в квартиру Наили была приоткрыта. Войдя в прихожую, Леонидов услышал звонкий женский смех. Он, стараясь не производить лишнего шума, сделал пару шагов по коридору и заглянул в комнату. На журнальном столике увидел ополовиненную коробку конфет и пустую бутылку из-под вина. Нашлась-таки выпивка, лукавила девушка! Бурундуков сидел на диване, на голове у него был тот самый кружевной лифчик, а в руке – стакан. На коленях у лейтенанта сидела Наилия и пыталась завязать под его мужественным подбородком бантик из лямок. Это у нее плохо получалось, и Наилия заливисто смеялась. Бурундуков при этом млеял и глупо улыбался в ответ.

– А где протокол, лейтенант? – строго спросил Алексей.

Бурундуков побагровел и вскочил, Наилия при этом ловко соскользнула с колен лейтенанта на диван и опять прикрыла голые коленки подушкой.

– Вот, – Бурундуков протянул Алексею исписанный лист бумаги.

– Это что?

– Показания.

– А это? – Леонидов ткнул пальцем в лифчик.

– Извините.

Бурундуков поспешно снял необычный головной убор и кинул его Наиле. Та проворно схватила лифчик и сунула под подушку, которую крепко прижала к себе. После чего уставилась на Алексея наивными глазами и замерла. Леонидов посмотрел на часы и строго сказал:

– Два часа пятнадцать минут, Бурундуков. Многовато.

– Особые обстоятельства, – проямлил тот.

– Я понял. Учитесь преодолевать трудности, лейтенант. В машину!

– Есть!

– Эх, молодежь... А с тобой, – Алексей строго посмотрел на девушку, – мы потом поговорим. Думаю, красавица, ты не все рассказала. Бурундуков! Вперед!

Лейтенант переглянулся с Наилей и пальцем сделал знак в воздухе: я, мол, тебе позвоню. Та кивнула.

– Она призналась? – спросил Алексей в лифте, когда закрылась дверь.

– Да!

– В чем?

– Во всем!

– Так что ж, ее забрать надо было?

– Алексей Алексеевич, – надулся Бурундуков. – Опять вы все неправильно понимаете!

Наташа ни в чем не виновата...

– Дурак ты, лейтенант! – в сердцах сказал Леонидов. – Увидел красивую бабу и растаял! А она тебе уши лифчиком закрыла, чтобы с них лапша не падала, и шоколадкой дала закусить горькое свое вранье. Впрочем, я сам был такой. Соблазнился однажды такой вот Наилей, а кончилось все печально.

– Как?

– Убили ее. Ладно, разберемся.

В машине он устало закрыл глаза и задумался. Готовится еще одна судебная ошибка. С его участием. Костиков, скорее всего, не убивал. Но доказать это практически невозможно. Сам Костиков ничего не помнит, свидетелей тому, что Александр сегодня не выходил из своей квартиры, нет. Есть маленькое противоречие: если убил он, то почему не изъял свою карточку? Не нашел? Но у Костикова было достаточно времени, чтобы как следует порыться в картотеке бабы Ани.

Вот и выходит, что он не убивал. Но суду факт наличия карточки малоинтересен. Скорее наоборот. Это подтверждение того, что Костиков был должен соседке. Это мотив. Логика сыщика против логики суда. Кто победит? Исход известен.

«Костиков не убивал, – Алексей открыл глаза. – А кто?»

Ворота «Медрая»

Положив перед собой визитную карточку клиники, Леонидов без особой надежды набрал номер. Четвертое января, мертвый сезон. К огромному удивлению, ему ответили.

– Сеть клиник «Медрай», Татьяна, слушаю вас.

– Девушка, а вы разве работаете?

– Как видите, работаем.

– Так каникулы же!

– Мы отдыхали первого, второго и третьего января. А с сегодняшнего дня работаем без выходных. У нас частная клиника. Вы хотели записаться на прием?

– Записаться? Да, пожалуй.

«5/01 10.00», – вспомнил Алексей.

– Что вас беспокоит?

– Меня? Ничего. Мою жену беспокоит, – спохватился он. – Вы могли бы ей помочь?

– А что конкретно ее беспокоит?

– Потеря аппетита. Жалуется, что не может дышать.

– Совсем?

– Она дышит, разумеется, но говорит, что с трудом. У нее якобы ком в горле стоит.

Похудела очень.

– Вам надо пройти обследование. Сразу предупреждаю, что у нас недешево.

– А есть варианты?

– Государственные учреждения не работают до десятого января. Если время терпит...

– А если не терпит?

– Вам надо обратиться в частную клинику. Мы – крупная сеть клиник с солидной репутацией. У нас работают лучшие специалисты, – затараторила девушка. – Мы...

– Хорошо, я понял. Записывайте.

– Консультация у дежурного терапевта бесплатная.

– Тогда тем более.

– Фамилия, имя, отчество?

– Леонидова Александра Викторовна...

– Приезжайте завтра к открытию, к десяти часам. Дежурный терапевт вас осмотрит и скажет, каких врачей надо пройти и какие анализы сдать. Сначала обратитесь в регистратуру.

Назовете фамилию, и к вам выйдут.

– Отлично!

– Завтра мы вас ждем. До свидания. Спасибо, что обратились к нам! – спохватилась Татьяна и дала отбой.

«И вам спасибо», – Леонидов опять взялся за телефон. Теперь он звонил жене.

– Сашенька, ты занята?

– Не занята. Просто лежу.

– Как ты себя чувствуешь?

– Я же сказала: лежу.

– Я записал тебя к врачу.

– К врачу?! К какому врачу, все же закрыто!

– Частные клиники работают. Есть такая сеть клиник, «Медрай» называется.

– Я слышала рекламу. Но там же дорого!

– У нас есть сбережения.

– Мы же хотели купить мотоблок!

– Твое здоровье дороже. Так ты поедешь завтра в больницу?

– Конечно поеду! Леша, мне так плохо...

– Вот и отлично! То есть, я хотел сказать, это очень плохо, что тебе плохо, но хорошо, что ты согласна пройти обследование. Будет хоть какая-то определенность. Значит, завтра к десяти мы едем в «Медрай»!

– Спасибо тебе, Леша. Ты такой заботливый...

Леонидов покраснел. Хорошо, что Саша этого не видит! С другой стороны, шансы, что визитную карточку потерял убийца и именно он придет в «Медрай» к десяти часам утра, невелики. Пятьдесят на пятьдесят. Но настоящий сыщик за это непременно уцепится. Алексей почувствовал охотничий азарт.

«О здоровье жены надо думать! – разозлился он на себя. – А не о том, как раскрыть очередное убийство! С другой стороны: одно другому не мешает...»

– До встречи, любимая, – фальшиво сказал он и дал отбой.

...Зато Саша заметно повеселела. Это Алексей увидел, когда вернулся домой с суточного дежурства. Жена не спала.

– Я уже звонила твоей маме, – сказала, поцеловав его, Саша. – Она согласна посидеть с детьми. Не знаю, сколько времени это займет, но, думаю, недолго. Если это дорого, там не должно быть очередей.

– Я тоже так думаю. Значит, мы возем детей к маме?

– Зачем? Она сама сюда приедет.

– Но нам в девять выезжать!

– Она рано встает.

– Саш, это неудобно.

– Я с ней говорила, она считает, что это нормально.

– Я ей перезвоню, – Алексей взялся за телефон.

– Леша, не надо. Все нормально.

Он покачал головой и тут же вспомнил другую маму. Вернее, мамусю. И Семужку. Вот у кого не жизнь, а каторга!

– Тебе надо поспать, – ласково сказала Саша. – Ты устал.

Он тоже почувствовал, что устал. Сейчас бы завалиться спать числа до шестого... Но Саша... Сашу надо спасать...

– На том свете отосплюсь, – сказал Алексей жене и отправился за будильником.

...Мама приехала в половине девятого.

– Извини, что так получилось, – смущенно сказал Леонидов, целуя ее в щеку.

– Не за что извиняться. Я рада, что еще нужна вам.

– Проходи в комнату. Дети еще спят. Каникулы.

– Ты тоже любил поспать в каникулы, – потрепала его по щеке мама. – Похудел...

– А все говорят: поправился.

– Похудел... Волос седых прибавилось, – вздохнула она. – И не выспался, вижу. Но что тут поделаешь? Раз Саша болеет...

– Может, чаю попьем? У нас еще полчаса.

– Я пирожков домашних привезла. Вчера напекла, после того как Саша позвонила. Знаю, внуки любят мои пирожки.

– Тем более! Пойдем пить чай с пирожками!

...К «Медраю» они подъехали без пятнадцати десять. Пробок не было, Леонидов ехал и удивлялся. Москва свободна, когда такое было! Можно планировать время, которое придется затратить на дорогу! Невероятно! Зато на стоянке у клиники был аншлаг. Алексею это

не понравилось. Конечно, есть версия, что это машины жильцов близлежащих домов, а если все эти люди приехали в «Медрай»?

«Мы записаны на десять, – успокоил себя Леонидов. – Если есть запись, значит, нет очереди».

– Идем? – спросила Саша, захлопнув дверцу машины. И указала на проходную: – А нас пустят?

– Должны были занести в список.

Он взял жену под руку и шагнул к железным воротам.

– Вы куда? – строго спросил их охранник перед турникетом.

– Мы по записи.

– Фамилия?

– Леонидова Александра Викторовна. А я сопровождающий. Муж.

– Есть такая, – кивнул охранник, сверившись со списком. – Проходите!

– Строго тут у них, – сказал Алексей жене, выйдя из проходной.

– Солидная клиника. Значит, врачи хорошие.

У солидной клиники была солидная дверь. Алексей открыл ее с трудом и пропустил вперед жену:

– Проходи!

Холл был тесным и темным, по левую руку от двери закуток, в нем – гардероб, а рядом крохотный диванчик. Тут же стояла пластиковая емкость с чистыми бахилами. Алексей усадил измученную Сашу на диванчик и надел бахилы, сначала ей, потом, присев, себе.

– Номерок не забудьте, – услышал он низкий женский голос.

А подняв голову, обомлел. У гардероба стоял Семужка! Семен Ильич собственной персоной!

– Семен Ильич! – воскликнул Алексей, вскакивая с дивана. – Какими судьбами?!

Семужка вздрогнул и обернулся. Его лицо медленно начала заливать краска.

– Алексей Алексеевич... – растерянно сказал Семужка, неловко засовывая номерок в карман. – Вы... здесь?

– Жена заболела, – скорее радостно, чем печально, сказал Леонидов. – Поликлиники не работают до десятого, больницы закрыты. Нашел по Интернету «Медрай», позвонил и – о радость! Работают! Я пулей сюда! А вы здесь какими судьбами?

– Мамусе вчера стало плохо. Давление поднялось. Сунулся в поликлинику – закрыто. Врача на дом тоже вызвать не смог. Сказали – после праздников, – пожаловался Семужка. – Мол, врачи – тоже люди, все отдыхают. А ей все хуже и хуже. «Скорую» не хочет. Они укол сделают и уедут, никто с ней сидеть не будет, и лечение не назначат. Отправят все в ту же районку. Позвонил сюда – работают! Еле уговорил ее прийти. Говорит, дорого. А мне никаких денег не жалко, лишь бы она была здорова.

– Аналогично. А где она? – Алексей огляделся. Мамуси в холле не было.

– У регистратуры сидит. Здесь дует.

– И в самом деле... – он невольно поежился. Дверь постоянно то открывалась, то закрывалась, люди входили и выходили, а на улице был мороз. Холл был такой маленький, что не успевал прогреваться.

– Леша! – позвала его жена. – Ты скоро? Я замерзла!

– Иду, любимая!

Алексей подхватил ее шубку и радостно сказал Семужке:

– Мне вас сам Бог послал, Семен Ильич! Вы ведь сначала к дежурному терапевту?

– Мы? Да, – растерянно сказал тот.

– Там и встретимся. – Алексей сунул гардеробщице Сашину шубку и проворно скинул свою куртку. – У меня к вам пара вопросов.

– Сейчас? – еще больше растерялся Семужка.

– А чего зря время терять?

– Ой! Мамуся! – спохватился тот. – Извините.

– Конечно, конечно.

Семужка тут же исчез.

– И куда нам? – спросила Саша, поднимаясь с диванчика.

– В регистратуру, как я понял. Оттуда все начинается.

– А мы не опоздали? – разволновалась жена.

– Ровно десять, – сказал Леонидов, глянув на часы, и кивнул на стену: – Видишь, стрелочка! А под ней написано: «Регистратура». Нам туда!

Он подхватил Сашу под руку и повел в конец коридора, где минуту назад исчез Семужка. Всего пара шагов – и тут ему открылись райские кущи. Насколько тесным был холл, настолько же просторной была приемная. Меж мраморными колоннами в ряд стояло штук шесть роскошных кожаных диванов, а перед ними элегантные журнальные столики со свежим гляncем, повсюду зелень, где искусственная, а где и живая, венчал все это великолепие огромный плазменный экран. Алексею даже показалось, что он слышит пение птиц. Потолки были высокими, на них – лепнина. Огромная люстра сияла как солнце, а яркие звезды бра облюбовали себе стены. И в самом деле – рай! Медицинский. Потому что здесь не только радуют пением птиц, но и лечат. И Саша повеселела.

На диванах, дружно повернув головы по направлению к огромному телевизору, сидели пациенты с сопровождающими, в одной из женщин Алексей узнал мамусю. Рядом, сжимая ее руку, замер Семужка. Что же касается остальных...

– Где бы ни встретиться... Оля, здравствуйте!

Племянница Анны Павловны от неожиданности вздрогнула.

– Вы?! Здесь?!

– Я то же самое хотел сказать. Вы? Здесь? Неужто заболели?

– Я с мужем, – промямлила Ольга и указала на угрюмого усатого мужчину, сидевшего рядом с ней.

– Внезапно стало плохо?

– Отчего же? Мы записывались заранее. «Медрай» – одна из немногих клиник, которые в рождественские каникулы работают.

«Записывались заранее... Неужели она? Или... он?»

– Леша, куда мне? – дернула его за рукав Саша.

– Садись на диван, а я в регистратуру.

– Они сами подойдут, – сказала, подвинувшись, женщина в очках с плюсовыми стеклами. – Вы только фамилию назовите.

– Ираида Осиповна! И вы здесь! И тоже заранее записывались?

– Я... Видите ли... – замялась консьержка.

– Леша! – напомнила Саша. – Ты шел в регистратуру!

– Да-да. Конечно.

Леонидов направился к окошку с надписью «Регистратура». Надо же, какая удача! Трое из тех, кого он взял на заметку вчера, оценив место происшествия, сегодня явились в «Медрай»! Среди них ценный свидетель – Семужка! И его мамуся, подруга покойной бабы Ани! Вот удача! Разумеется, нехорошо допрашивать людей в больнице, но в очередях к врачам они становятся особенно разговорчивыми. Глядишь, в беседе о болезнях всплывет ценная информация.

– Здравствуйте, – сказал он в окошко. – Наша фамилия Леонидова. Александра Викторовна. Мы записаны на десять часов.

– Присаживайтесь и ждите. К вам подойдут.

Алексей вернулся на кожаный диван.

– А какая у них система? – спросил он, присаживаясь рядом с Сашей и обращаясь ко всем сразу.

Ответил полнеющий мужчина средних лет в белом свитере. Бросив на него беглый взгляд, Леонидов отчего-то подумал: бизнесмен. Одежда дорогая и качественная, на руке вызывающие часы внушительного размера, не часы, а заявка на успешность, на пальце левой руки массивный перстень-печатка.

– У них тут кураторы, – сказал мужчина.

– Кто-кто? – удивился Алексей.

– Кураторы. Они стоят за вас в очередях.

– Они что делают?!

– Народу сегодня много, – пожаловался мужчина. – Я здесь не в первый раз, но такого никогда не видел.

– Это потому что праздники, – вздохнула леди в золотом костюме. Будто не в клинику пришла, а на банкет. – Везде закрыто, а «Медрай» работает. Куда же деваться, если болит?

Алексей оценил почтенную публику, собравшуюся в приемной. Некоторые, как он с Сашей или Семужка с мамусей, пришли вдвоем, а иные, та же леди в золотом костюме и мужчина в белом свитере, явились без сопровождающих. Ираида Осиповна тоже одна. А Ольга привела мужа. Неужели у всех этих людей есть деньги, чтобы ходить в такие дорогие клиники? Но, с другой стороны, леди в золотом права: куда же деваться, если болит?

В очередях люди обезличиваются. А в клинике тем более: лица у всех одинаково напуганные, вид болезненный. А потерять очередь нельзя, надо запомнить, за кем ты, кто за тобой и, на всякий случай, кто перед тем, за кем ты, и кто перед тем, за кем тот, за кем ты. Люди имеют привычку, заняв очередь и передав эстафетную палочку новому последнему, разбредаться кто куда. Запоминаются яркие детали одежды. Семужку Леонидов знал, Ольгу и Ираиду Осиповну тоже. Остальных пока обозначил как Белый свитер и Золотая леди.

– Кто последний? – раздался скрипучий голос.

Алексей обернулся и невольно вздрогнул. Высокий худой мужчина, весь седой, лицо в глубоких морщинах, но еще достаточно крепкий, стоял меж колонн, опираясь на выдавшую виды трость. Сразу вспомнилась трость в фабричной упаковке, валявшаяся в прихожей у бабы Ани рядом с ее трупом.

– Я спрашиваю: кто последний? – раздраженно повторил мужчина.

– Здесь нет очереди, – флегматично ответила Ольга.

– Как так нет? Везде есть очередь! Даже на кладбище есть очередь! Первым достаются лучшие могилы!

– А вы сюда помирать пришли? – с иронией спросил Белый свитер.

– Вот с этим я, как раз и не спешу. Поэтому спрашиваю: кто последний?

– Это частная клиника, – сказала Золотая леди. – Садитесь, к вам подойдут.

– Только сначала подойдите к регистратуре и назовите свою фамилию, – посоветовала Ираида Осиповна. – Вы записывались?

– Разумеется, я записывался, – все так же раздраженно сказал мужчина. – И намеренно приехал чуть позже, чтобы не сидеть в очереди.

Он, тяжело опираясь на трость, захромал к регистратуре.

– Синьборода, – услышал Алексей.

– Что вы сказали? – удивленно переспросили в окошке.

– Моя фамилия Синьборода, – раздраженно повторил мужчина. – Здесь нет ничего смешного. Велемир Ипатьевич Синьборода.

– Присаживайтесь, к вам подойдут.

– Какая смешная фамилия, – шепнула жена на ушко Алексею. – Еще и Велемир Ипатьевич!

Алексей представил, как Синьборода душит тщедушную Анну Павловну, и невольно улыбнулся. На одну из жен ревнивого злодея старушка явно не тянула.

Велемир Ипатьевич, все так же тяжело опираясь на трость, подошел к одному из диванов и долго примеривался перед тем, как на него сесть. Видимо, нога доставляла Синьбороде сильное беспокойство.

– Вы с ногой? – спросила, подвинувшись, Ираида Осиповна.

– Что? – Синьборода наконец сел.

– С ногой, говорю, пришли?

– Разумеется, с ногой! Как я мог сюда прийти без ноги?

– Я имела в виду, что у вас болит? Нога?

– Что сделали с русским языком, а? – разозлился Велемир Ипатьевич. – Надо правильно выражать свою мысль! Ведь до чего дошло! Предлагают внести в словарь русского языка всякие там «ченить», «афftar жжет»! Безобразие!

– Но ведь все понятно, – Алексей сжал Сашину руку, заметив, как напряглась жена, преподаватель того самого русского языка, – когда говорят «афftar жжет». Это сильные эмоции.

– Молодой человек! – Велемир Игнатьевич аж привстал.

– Шемякин кто?

У двери в регистратуру появилась очаровательная девушка в белом халатике. Из-под халатика виднелись узкие брючки, из-под брючек – модные тупоносые туфельки на высоком, но устойчивом каблучке.

– Я Шемякин! – Ольгин муж поднял руку, как примерный ученик.

– Мы Шемякины, – подтвердила племянница Анны Павловны.

– Я ваш куратор, Мария, – девушка указала на бейджик, болтающийся на шее. На нем и в самом деле было написано: Мария. – Я буду вас сопровождать во время ваших визитов в «Медрай», по всем вопросам обращайтесь ко мне. Вы к нам в первый раз?

– Да.

– Идемте, я покажу вам клинику.

– Я хотел к гастроэнтерологу... – заикнулся, было, Шемякин.

– Вам надо посмотреть нашу клинику, – очаровательно улыбнулась Мария. – Я покажу вам, где что находится. Мы сейчас поднимемся на четвертый этаж, потом спустимся на третий, где принимают специалисты, в том числе и врач-гастроэнтеролог, я вам покажу его кабинет, а потом мы вернемся сюда, потому что здесь с вами должен побеседовать дежурный терапевт, поскольку вы первично.

– Но...

– Это совершенно бесплатно! Идемте.

Ольга и ее муж поднялись с диванчика.

– Лифт не работает, – предупредила девушка, очаровательно улыбаясь.

– Почему? – переглянулись сидевшие на диванах пациенты.

– Потому что праздники. Мы работаем, а коммунальные службы нет. Здание обесточено, то есть обезлифчено... – она сбилась. – В общем, подниматься на четвертый этаж придется пешком.

– А может, не надо? – робко возразил Ольгин муж. – Я не очень хорошо себя чувствую.

– Я должна показать вам клинику! – обиделась Мария. – Идемте же!

Шемякины ушли.

Ангелы «Медрая»

– Почему они первые? – проскрипел Синьборода, сразу же забыв про исковерканный русский язык.

– Потому что они пришли первые, – флегматично ответила Золотая леди.

– Но я записывался на десять!

– Мы все записывались на десять, – пожал плечами Белый свитер.

– Я же говорил, что везде очередь! Даже за деньги! И зачем нам нужны какие-то кураторы? Мне вообще-то нужен хирург! Я к нему пришел!

– У них такая система, – пояснила Золотая леди.

– За что только деньги берут! – продолжал возмущаться Синьборода.

– Не хотите, не платите, – сказал Белый свитер.

– У меня болит нога! Я не желаю с острой болью сидеть в очередях! Это противозаконно! Я буду жаловаться директору!

И только Велемир Ипатьевич привстал, кураторы из двери в регистратуру посыпались как горох.

– Госпожа Владимирская кто? – симпатичный парень в белом халате вопросительно посмотрел на ожидающих.

– Я Владимирская! – вскочила Золотая леди.

– Анастасия Дмитриевна?

– Да, Владимирская Анастасия Дмитриевна, – та порозовела от удовольствия.

– Идемте со мной, – парень улыбнулся. Алексей ясно чувствовал исходящий от него запах дорогого одеколona.

– Вы мне покажете клинику? – защебетала Владимирская, лаская взглядом мощную шею. Парень похоже намеренно расстегнул верхние пуговицы официального белого халата.

– Мы начнем с четвертого этажа. Там у нас косметолог и пластический хирург. Первая консультация – бесплатно.

– Как интересно! – расцвела Анастасия Дмитриевна. – Идемте!

– Господин Пичугин!

– Я! – Белый свитер тоже порозовел от удовольствия. Его девушка-куратор была самая очаровательная! Из-под короткого белого халатика еще более короткой юбки не было видно совсем, только стройные ножки, а на них – туфельки на шпильке.

«Система у них тут отработана, – подумал Алексей. – Не исключено, что они какое-то время наблюдают сидящих на диване потенциальных клиентов. Если женщина одинокая и еще не старуха, к ней приставляют симпатичного молодого человека. Так она легче расстанется с деньгами. Одинокому мужчине со средствами дают хорошенькую кураторшу. И он расщедрится, и у нее есть шанс устроить свою судьбу. Больные мужчины особо чувствительны к чарам хорошеньких женщин в белых халатах. Семейным же парам отгружают товар второсортный. Некрасивых, но настойчивых».

Словно в ответ на его слова раздалось:

– Леонидова!

– Я, – встала с дивана Саша. Поднялся и Алексей.

– Я Галина, – представилась девушка.

«Галина», – подтвердил прикрепленный к отвороту ее белого халата бейджик. Девушке было лет двадцать с небольшим, лицо некрасивое, все в прыщах, зубы плохие. Похоже, что персонал не имел скидок в собственной клинике. Хороши были только глаза, карие, глубокие. Но ресницы она не красила. На работу сюда пришла, понятно. «Замужем? – Алексей кинул

взгляд на правую руку и с удовлетворением отметил обручальное кольцо. – А ты в тонусе, сыщик! Работай!»

– Я буду вашим куратором, – сказала Галина. – Идемте, я покажу вам клинику.

– Сазонова!

– Мы! – вскочил Семужка. – Мы Сазоновы!

– Глухарева!

– Я Глухарева, – не спеша поднялась Ираида Осиповна.

В пять минут кураторы разобрали всех.

– Синьборода, – пытаясь сдержать улыбку, объявила женщина лет тридцати пяти в модных очках.

– Последний, – проворчал Велемир Ипатьевич, поднимаясь с дивана.

Развели их в разные двери. Клиника была большая, и по лестнице Леонидовы в сопровождении Галины поднимались в одиночестве. Алексей заметно устал, пока добрался до четвертого этажа, кураторша тоже запыхалась. Зато Саша, к огромному удивлению Алексея, усталости не почувствовала. Напротив, бодро шагала по ступенькам, словно один только воздух «Медрая» уже был целебным.

– Здесь работают косметологи, – указала на стеклянные двери Галина. – Идемте. Первая консультация бесплатно.

– Девушка, вы нас не поняли, – остановил ее Алексей. – Моей жене требуется квалифицированная медицинская помощь. Она ест с огромным трудом, дышит тоже с трудом, а вы ей предлагаете омолодиться!

– Кто с трудом дышит? – удивилась Галина.

– Я и в самом деле плохо себя чувствую, – спохватилась Саша. – Не надо к косметологу.

– У нас хорошие пластические хирурги, – не унималась Галина.

«Вот и иди к ним, – чуть не удержался от хамства Леонидов. – Косметолог тебе не помешает. А моя жена – красавица! Даже такая! Больная и несчастная!»

– Я хотела бы поговорить с врачом, – робко сказала Саша. – А не с пластическим хирургом.

– Но это же совершенно бесплатно!

– Бесплатным бывает только сыр в мышеловке, – всерьез разозлился Алексей. – Это я вам говорю как профессионал.

– Вы что, дрессировщик?

– Нет, я опер. Работаю в уголовном розыске.

– Ах, вы из милиции... Что ж вы сразу не сказали? Идемте!

Они стали спускаться вниз по лестнице.

– Здесь у нас принимают специалисты, – замедлила шаг Галина на третьем этаже. – А здесь... – она остановилась на втором, – лаборатория. Вам наверняка придется сдавать анализы. Если вы будете ходить по врачам без меня, не забудьте, где что находится.

– Скажите, а зачем нужны кураторы? – не удержался от вопроса Алексей.

– У нас такая система, – виновато сказала Галина.

– Но зачем-то это нужно?

– Все для пациента, – дежурно ответила девушка. – Он должен чувствовать себя как дома. Мы все время рядом. Возможно, ему срочно понадобится помощь.

– Вы по образованию медсестра?

– Что вы! Я инженер-пищевик! Институт недавно окончила. Но работы по специальности пока не нашла.

– То есть, вы хотите сказать, что кураторы не имеют специального медицинского образования?!

– Ни один! Все, у кого оно есть, сидят по кабинетам.

- Чума! – удивился Алексей. – А много вам платят, извините за нескромный вопрос?
- Не думаю, что милиции это интересно, – замылась Галина. – Идемте.

«Видимо, модель клиники взята откуда-то ОТТУДА, – подумал Алексей, спускаясь вслед за девушкой на первый этаж. – Из-за границы. Как всегда: хотели как лучше, а получилось, как в России. ТАМ наверняка знают, зачем нужны кураторы. Система продумана, отлажена и работает без сбоев. ЗДЕСЬ же получился большой русский бардак. Жди сюрпризов».

Первый сюрприз ждал их с Сашей на первом этаже, у двери в кабинет дежурного терапевта. Имевшиеся в наличии два дивана были заняты, и им пришлось встать у стенки, под одним из сияющих бра.

– Подождите минутку, – сказала Галина и заняла очередь за такой же девушкой в белом халате.

Алексей понял, зачем они устраивают экскурсию по клинике. Чтобы очередь не скапливалась. Но сегодня наплыв пациентов, потому что государственные учреждения не работают. Он слегка сжал Сашину руку:

– Устала?

– Ничего, потерплю, – жалко улыбнулась жена. Она опять разволновалась. Волнение это всем знакомо, оно накатывает на любого, кто ждет приема у двери в кабинет врача, даже на абсолютно здорового человека. А вдруг что-нибудь найдут? Внутрь к себе не залезешь. Еще и реклама постоянно долбит по мозгам: «Многие опасные заболевания на ранней стадии никак не дают о себе знать...»

Леонидов невольно схватился рукой за сердце: закололо.

– Леша, что с тобой?

– Сам не знаю. Семен Ильич! – обратился он к сидящему на одном из диванов Семужке. – Будьте так любезны. Моей жене нехорошо, а мы с вами люди здоровые. Уступите ей местечко.

– Не надо. Зачем? – застеснялась Саша.

– Да-да, конечно! – Семужка вскочил. – Садитесь.

Саша села рядом с мамусей.

– Идите сюда, – позвал Алексей.

Семужка стал рядом с ним, опершись спиной о стену, и замер в ожидании.

– Нам только укол, – пожаловался он. – Мамусе плохо, а она нас потащила аж на четвертый этаж! Больницу показывать! Еле дошли.

– Почему же вы не возмутились?

– У них такие порядки... – развел руками Семен Ильич. И кивнул: – Вон, еще одни идут...

Леди в золотом сияла, как ее костюм, и ни на секунду не отпустила своего красавца-куратора. Ее пальцы с золотыми ногтями намертво вцепились в белый рукав его халата.

– Мне у вас очень... очень понравилось, – услышал Алексей. – Я обязательно хочу на бесплатную консультацию к пластическому хирургу...

– Не вижу повода, – тут же отвесил ей комплимент бейдж Руслан. – Вы замечательно выглядите, Анастасия Дмитриевна.

– Просто Настя.

– Подождите минуту здесь, Анастасия... – парень смущенно кашлянул. – Я должен отвести вас к дежурному терапевту. Такой порядок.

Владимирская нехотя разжала пальцы. В это время освободилось место на одном из диванов, и она села.

– Здесь в основном жильцы близлежащих домов, – шепнул Семужка. – Я знаю эту даму.

– Да что вы говорите?! – также шепотом удивился Алексей.

– Она замужем. Ездит на шикарной машине. Я несколько раз видел ее машину у нашего дома.

- Она живет в вашем доме?
- Нет, что вы! Ой, я, кажется, сказал лишнее, – спохватился Семужка.
- Стоп-стоп-стоп... – Леонидов не намерен был его отпускать. – Сказали «а», идите уж до конца алфавита. А я вам помогу. К кому она приезжала?
- Я не знаю, – покраснел как рак Семен Ильич.
- Ай, врете! Шила в мешке не утаишь, ведь так?
- Вы все равно узнаете...
- Я сам скажу, чтобы вас не мучить. Она приезжала к бабе Ане?
- Да...
- Деньги в долг брала?
- Этого я не знаю.
- Как же так? Такая богатая леди. На шикарной машине. И ездила к ростовщице. Наверняка с залогом.
- У нее муж.
- И что?
- У мужа неловко просить деньги на любовников.
- Ах, у нее есть любовник! И кто он?
- Она... – замялся Семужка. – Как бы это сказать?
- В свободном поиске?
- Это как?
- Ищет приключений на свою голову.
- Ее можно понять... – вздохнул Семужка. – Она так одинока...
- Вы что, знакомы? – подозрительно спросил Леонидов.
- Побойтесь Бога, Алексей Алексеевич, – усмехнулся Семужка. – Ну какой из меня герой-любовник? Мне Сашка Костиков сказал. А ему – Наиля.
- Наиля?!
- Мы ж соседи. Сашка – бомбила, а я машину не вожу. Если что – обращаюсь к нему. За деньги, разумеется. Сашка с меня по-божески берет.
- А Наиля с него тоже по-божески берет?
- Скажете тоже, – Семужка хихикнул. – Они просто друзья.
- Странная дружба, – заметил Алексей.
- Отчего же? У них много общего.
- Работа по ночам, к примеру.
- И это тоже. Они, как мы с вами, не привязаны к одному месту и к рабочему графику. Как говорится, то пусто, то густо. Наиля к Сашке посылала припозднившихся клиентов, когда им нужно было такси.
- И в самом деле удобно. «Тебе такси заказать, дорогой?» Читай: не пора ли и честь знать? Звонок в соседнюю квартиру, а там уже ждут! А чем отвечал на любезность Костиков? Возил к ней клиентов, если те интересовались проститутками?
- А почему не дать девушке заработать?
- Взаимовыгодное сотрудничество, – задумался Алексей. – Но вернемся к Владимирской. Почему Наиля была в курсе ее интимных дел?
- Сашка с бабой Аней не ладил, – признался Семужка. – Это знали все. А вот Наиля – напротив. Баба Аня ее любила. Если она вообще могла кого-нибудь любить, – добавил Семужка после паузы.
- Значит, Наиля сказала Костикову, а Костиков вам.
- Да, они вместе отдыхали.
- Отдыхали?
- Ну, выпивали. Сашка с Наилей. Расслаблялись, – пояснил Семужка.

– Наиля что, пьет?
– Какой вы... – поморщился от досады Семужка, – полярный.
– Какой-какой?
– Либо плюс, либо минус. Не признаете полутонов. У нее работа тяжелая, у Наили. Надо же как-то расслабляться? Женщины тоже ходят в рестораны, выпивают там, говорят о своих проблемах.

– Но они ходят туда с подругами, – заметил Алексей.

– У Наили нет подруг. Она очень красивая, – тихо добавил Семужка. – Ей завидуют. У Наили есть только друзья. Мужчины. Они отличаются от мужчин-клиентов тем, что с друзьями Наиля не спит.

– Вы друг? – в упор спросил Алексей.

– Я сосед, – побагровел Семужка.

– Значит, есть и третья категория мужчин в окружении Наили?

– Я...

– Семен Ильич! – окликнула Семужку девушка-куратор. – Идемте! Вас терапевт вызывает!

– Да-да... бегу...

И Семужка кинулся поднимать с дивана мамусю.

– Ох... Наконец-то... – разохалась та. – Что ж так долго?

– Народу много, мамуся. Уж так получилось, – виновато сказал Семен Ильич.

– Да сколь же можно меня мучить?

– Потерпи, дорогая. Сейчас тебе сделают укольчик...

Девушка в белом халатике подхватила мамусю под другую руку, и охающую женщину увели.

– Садись, – позвала Алексея жена. – Место освободилось.

Он сел рядом с Золотой леди. Чтобы как-то завязать разговор, сказал, обращаясь к ней:

– Что-то долго.

Владимирская бросила на Алексея любопытный взгляд, но покосилась на Сашу и разочарованно вздохнула:

– Долго, да. Но меня это не напрягает.

– А вы, простите, с чем пришли?

– Знаете, я вся такая больная... – она томно вздохнула и закатила густо подведенные глаза.

– А... Так вы на обследование?

– Да. Мне подруга посоветовала.

– Так вы заранее записывались?

– Да, еще перед праздниками.

– У вас была визитная карточка?

– Да, подруга дала. Она здесь постоянная клиентка. Там телефон, по которому я звонила, чтобы записаться на прием. Не помню, куда я ее засунула, эту визитку? Ах, я такая рассеянная!

– Мужу не стоило отправлять вас в клинику одну. Раз вы вся такая больная.

– Не все же такие заботливые мужья, как вы, – усмехнулась Владимирская, но потом спохватилась: – Он работает.

– Как? В праздники? – удивился Алексей.

– Он уехал в командировку.

– За границу, небось?

– Именно. Там какой-то саммит. Во Французских Альпах.

– Саммит в Альпах? Сейчас? – «Ты сама-то в это веришь?» – еле удержался от вопроса Леонидов. Все было настолько прозрачно, что ему стало скучно. Вот только визитка, найденная в квартире бабы Ани, смущала. А Владимирская не помнит, куда засунула свою.

Он скользнул взглядом по холеным рукам женщины. Ногти длинные, похоже, наращенные. Золотой маникюр. Кончики пальцев она словно в золото окунула, на одном – дорогое кольцо. Леонидов мог поклясться, что это бриллианты. Можно удушить такими руками тещиную старушку? Теоретически можно все. А практически?

– Извините, я на минутку.

Он отошел в сторонку и достал из кармана мобильный телефон. Набрал номер судмедэксперта и терпеливо стал ждать ответа.

– Кому там не терпится? – раздался наконец в трубке сердитый голос.

– Палыч, извини, у меня к тебе один вопрос. Насчет вчерашнего трупа.

– Леша, ты в своем уме?! Может, дашь человеку поспать?!

– Дам, только ответь мне на один вопрос. У дамы наращенные ногти. Длинные и острые. Кажется, такой вид ногтевого дизайна называется «стилеты». Если она, к примеру, будет такими руками душить, останутся ли на шее следы ногтей?

– Разумеется, останутся!

– У трупа старухи, который ты видел вчера, были на шее следы ногтей?

– Ты хочешь, чтобы я тебе ответил сейчас? – с иронией спросил судмедэксперт.

– Да.

– А я не помню!

– Палыч, миленький, я сейчас в клинике...

– В какой клинике?

– В «Медрае».

– Я всегда знал, Алексей, что ты – сумасшедший. Я дам тебе соответствующий документ даже без медицинского освидетельствования. Потому что ты – сумасшедший. Только безумец может в свой выходной день, после суточного дежурства...

– Я привел сюда жену, – перебил его Алексей. – Случайно получилось.

– У человека с такой упорядоченной логикой не бывает случайностей. Ты машина, Алексей. Скажи, бога ради, где у тебя кнопка?

– Так как насчет ногтей?

– Мне надо поднять материалы. Я тебе правду сказал: не помню.

– Так подними!

– Тебя только это интересует или еще что-то?

– Пока только это. Но вполне возможно, что у меня возникнут еще вопросы. Здесь много интересного.

– Хорошо, – зевнул судмедэксперт. – Я этим займусь. Сейчас встану, выпью чашечку кофе, приму ванну...

– побыстрее, пожалуйста.

– Ты мне еще указывать будешь! – разозлился Палыч. – Я тебе перезвоню. – И эксперт дал отбой.

«В самом деле, чего мне нейдет? Но ведь удача, вот она – рукой подать!» Алексей посмотрел на Владимирскую. Потом набрал номер Кислицкого.

– Борис, у меня для тебя задание.

– А именно? – насторожился лейтенант.

– Ты вчера разобрался в картотеке покойной?

– Какой покойной? – оторопел Борис.

– Старушки-процентщицы.

– В общем... Да. Срисовал.

– Глянь в свои записи: есть ли там Владимирская Анастасия Дмитриевна.
– Прямо сейчас?
– Да! Записывай: Владимирская Анастасия Дмитриевна.
– У нас же уже есть подозреваемый!
– Делай, что тебе говорят! – рявкнул Алексей.
– Есть.
– Перезвонишь мне, когда будет результат.
«Почему я должен за всех работать?» Он вернулся на диван к Владимирской.
– Леш, почему так долго? – простонала Саша.
– Милая, раз уж мы сюда приехали, то не уйдем, пока не получим результат. Любое дело надо доводить до конца. Терпи.
– Я терплю.
– Госпожа Владимирская! – окликнули леди в золотом.
– Я здесь, – привстала та.
– Анастасия Дмитриевна, идемте со мной, – ласково позвал Руслан.
«Без очереди, – машинально отметил Алексей. – Она пришла сюда последней. Это значит, что у дамы есть деньги и ее сейчас будут на них раскручивать. Принцип у них простой: первым идет тот, с кого можно больше взять. Анастасия Дмитриевна готова платить. Интересно, откуда у нее такие деньги?»

История болезни

Владимирская А.Д.

«Вся моя жизнь умещается в одной фразе: я живу в ожидании развода. Вот уже лет пять. Да, пять лет я живу в ожидании развода. Как же это мучительно и... как же это стыдно!»

Подумав так, Анастасия Дмитриевна чуть не заплакала от жалости к себе. Пять лет назад ее единственный ребенок, дочь Алена, уехала учиться в США, и дом опустел. Муж приходит очень поздно, ей кажется, что он делает это намеренно. Не хочет с ней встречаться. А она ложится рано, по старой привычке. За десять лет, провожая Алену в школу, Анастасия Дмитриевна привыкла рано вставать. А сна ей требуется много, у нее пониженное давление и общий упадок сил. Поэтому в десять она уже в постели, с книжкой, читает перед сном любовный роман и ждет, когда в замочной скважине повернется ключ. Миша входит тихо, стараясь ее не беспокоить, и, не заглядывая в спальню, идет сразу на кухню.

Встречаются они с мужем утром, тоже на кухне. Спит Миша в большой комнате, на диване, в ее спальню давно уже не заходит, даже спокойной ночи пожелать. Они с мужем живут как чужие люди, каждый своей жизнью. Она встает раньше и вновь терпеливо ждет, сидя на диване, перед телевизором. Делает вид, что смотрит утреннюю программу, которая на самом деле осточертела настолько, что она уже видеть не может всех ее ведущих. Анастасия Дмитриевна сидит, стиснув зубы, и напряженно прислушивается не к тому, о чем говорят с экрана, а к тому, что происходит в квартире. Вот он встал, она слышит его шаги. Пошел в туалет, потом в ванную комнату. Умывается, ей слышно, как льется вода. Идет на кухню.

– Привет.
– Здравствуй.
– Алена не звонила?
– Нет, не звонила.

Он спрашивает это для того, чтобы просто не молчать. Оба прекрасно знают, что дочь звонит два раза в месяц. Раньше, когда Алена только-только уехала в Америку, она звонила

раз в три дня. Потом раз в неделю. Теперь звонит два раза в месяц, в строго отведенные для этого дни. В эти дни Анастасия Дмитриевна с самого утра ходит с зажатым в руке телефоном, напряженно ждет звонка. Приезжает дочь тоже дважды. Дважды в год, зимой, под Новый год, и летом на месяц. Тогда ей кажется, что вернулась прежняя жизнь, полная больших забот и больших же радостей. И муж, похоже, не разводится с ней из-за этих редких встреч с дочерью, когда надо изображать дружную, счастливую семью. Миша даже переезжает на время в спальню, и хотя любовью они давно уже не занимаются, по крайней мере ночью она слышит его дыхание и чувствует рядом тепло его тела. Анастасии Дмитриевне и этого довольно: целый месяц она счастлива.

Скоро Алена окончит университет и должна бы вернуться обратно в Москву. Анастасия Дмитриевна боится об этом говорить, потому что дочь этой теме всячески избегает. Это знак. Алена, похоже, не хочет возвращаться. И не вернется. По телефону они с дочерью говорят о чем угодно: о ее парне, о трудностях учебы, о погоде. Только не о ее возвращении домой. Дочь решила там остаться, но не хочет пока расстраивать маму. Ее парень – американец, он НИКОГДА не поедет жить в Россию. Алена же, похоже, собралась за него замуж. Как только это будет озвучено, муж заговорит и о разводе. Анастасия Дмитриевна в этом уверена.

– Нет, не звонила.

– Значит, ничего страшного не случилось.

– Значит, не случилось.

Случилось. Для нее давно уже случилось. Она живет в ожидании развода, и это мучительно.

Иногда муж спрашивает:

– Тебе нужны деньги?

Она каждый раз отвечает:

– Да.

– Сколько?

И она, замирая, называет сумму. Кажется, что много, что муж начнет возмущаться, топтать ногами, кричать: «А зачем тебе такие деньги?!»

Но он каждый раз послушно лезет в портмоне и дает столько, сколько она просит. Если нужной суммы нет, дает ей свою кредитку, зная, что она снимет ровно столько, сколько спросила, ни центом больше. А она каждый раз думает: «Надо было спросить больше». Денег муж предлагает все реже и реже, и это тоже симптом. Каждый раз, как она слышит фразу «Настя, нам с тобой надо поговорить», сердце замирает. Вот, сейчас... Сейчас он заговорит, наконец, о разводе. Но пока обходится.

«Почему ты со мной не разводишься?!» – хочется ей крикнуть ему в лицо. Она уже устала теряться в догадках. Почему?! А главное, когда? Когда ждать?

Анастасия Дмитриевна все уже продумала. После развода она переедет жить к маме, а эту квартиру будет сдавать. Миша должен оставить ей квартиру, она уже проконсультировалась с адвокатом. Все варианты обговорены, адвокат ждет только ее звонка.

После развода она переедет к маме, а жить будет со сдачи квартиры внаем. И, разумеется, будет искать работу. У нее есть диплом о высшем образовании, когда-то, ей кажется, что это было в прошлой жизни, Настя Владимирская окончила педагогический институт. Она вышла замуж на последнем курсе, а когда сдавала госы, уже была беременна Аленой. В школе Настя проработала несколько месяцев и уже не помнит, как это было. Помнит только, что ужасно. Она до сих пор вздрагивает при слове «продленка», хотя сейчас, кажется, никакой продленки нет. Или есть?

Она плохо себе представляет, где и кем будет работать. Знает только, что работать надо. Она сделала ошибку, когда стала домохозяйкой, но школа так ее напугала, что даже думать о работе было страшно. После нескольких месяцев в ужасной продленке был декретный отпуск,

потом... Потом все в стране поменялось, муж решил заняться бизнесом, олигархом не стал, фирма у него небольшая, но крепко стоит на ногах, переживает уже второй кризис и, похоже, справится с этим. Деньги у них есть. Вернее, у него. Анастасия Дмитриевна даже не знает сколько. Она вообще боится о чем-то спрашивать у мужа. Потому что боится, что разговор этот закончится разводом. Хотя она давно к этому готова и все продумала. Но каждый раз, когда она слышит фразу «Настя, нам надо поговорить», ей делается страшно.

Каждый месяц, первого числа, муж выдает ей деньги на хозяйство. И никогда не спрашивает отчета. Но она каждый последний день месяца все равно начинает оправдываться, говорить, как все подорожало. Это их самый долгий разговор за весь месяц.

Дважды в год муж покупает ей подарок. На день ее рождения и на Новый год. Это обязательно ювелирное украшение, и за годы совместной жизни у нее подобралась неплохая коллекция. Правда, за последнее время лучшие экземпляры перекочевали к бабе Ане. Она может их выкупить в любой момент, но...

Где взять деньги?

Самые большие глупости на земле совершаются от скуки. А еще от одиночества.

Сначала была тоска. Когда Алена уехала, она просто места себе не находила. Каждый день ходила гулять по одному и тому же маршруту: мимо школы, в которой училась дочь, непременно задерживаясь у детской площадки, где Алена когда-то играла, а потом медленно шла по тропинке, по которой они когда-то шли вместе с Аленой. Сначала в первый класс, а потом... Потом был выпускной. И каждый раз, когда она вспоминала взрослую дочь в бальном платье, у нее по лицу текли слезы.

– Женщина, вам плохо?

– Нет, все в порядке.

«Господи!!! Как же мне плохо!!!»

Надо было родить еще одного ребенка. Надо было устроиться на работу. Надо было... Да много чего надо было сделать, но, увы, не сделано. Она все откладывала на потом. А потом пришла, нет, не старость. Увядание. Она начала увядать. На лице появились, нет, не морщины. Морщинки. Пока еще морщинки. У глаз, где кожа самая тонкая, и на лбу, да резко обозначились носогубные складки. Надо было колоть ботокс. Сходить к пластическому хирургу. Надо было раньше... Опять это «надо было»!

У мужа наверняка любовница. И наверняка молодая. У них у всех молодые любовницы, у тех, кто добился всего, чего хотел, пока жена обеспечивала надежный тыл. Эти девочки пришли на все готовое, это совсем другое поколение, у которого нет ни стыда ни совести. Они хотят все и сразу, а главное – они это получают.

А что теперь делать ей?!

– Заведи любовника, – посоветовала подруга.

Та самая, единственная. Они вместе учились в школе, подруга, правда, так и не вышла замуж, воспитывает ребенка одна. Но именно по этой причине Иришка работает. Работа у нее интересная, а главное, денежная. И, что еще главнее, Иришка не боится никакого развода.

– Где же я его заведу?

– Езжай за границу. Там этих голодных мужиков... Как собак нерезаных!

Любовник... Ее давняя мечта. Она читает только любовные романы и каждый раз, лежа на кровати с книжкой в руках, грезит. И чувствует приятную тяжесть внизу живота. Ей невыносимо хочется, чтобы кто-то снял эту тяжесть, наполнил бы тело легкостью, разгладил бы поцелуями морщинки на лице. Кто-то молодой и сильный.

Где все эти молодые голодные мужики, жаждущие женского тела?

– Езжай в Египет, – посоветовала Иришка.

Ей уже говорили, что это страна разврата. Что арабы сами вешаются на женщин, причем им безразличны и внешность, и возраст. Мысль об арабе была противна, но окунуться в

атмосферу разврата хотелось безумно. Она, истомившаяся в одиночестве и забвении, жаждала приключений.

Поехала одна и почти сразу нашла компанию: женщину с двумя дочерьми. У них были общие интересы: мужья остались в Москве, работать, а дамы в это время наслаждались морем и солнцем и тратили их деньги.

Она с первого же дня ждала: когда будут приставать? Присматривала того, которому не откажет. Все, как на подбор, молодые, стройные, весь персонал. В этом она увидела скрытое намерение исполнять все прихоти состоятельных клиентов. Прошел день, другой, третий... Ничего не было. Только взгляды, которые бросали на нее мужчины, и в самом деле истомившиеся по женской ласке. В конце концов она намекнула, что не прочь. Никакого результата!

Ее не трогали. Впрочем, никого не трогали.

– Им за это грозит увольнение, – пояснила новая подруга. – Это частный отель, владелец – итальянец. Он не поощряет связь персонала с отдыхающими. Так что тебе повезло. Вот в других местах...

Она чуть не завывала от тоски. Поездка прошла впустую. Почему она всегда оказывается не в тех местах? Господи! Да назовите уже мне этот отель, где можно!!!

Если долго о чем-то просить, то просьбу твою непременно услышат на небесах. Только потом не жалуйся.

Все глупости на земле совершаются от одиночества.

Они с Геннадием познакомились во время ее третьей поездки за приключениями. Он был и не молодой, и не красивый. Лет сорока пяти, маленького роста, с брюшком, с бегающими глазами. Но зато он сразу же стал за ней ухаживать. Она уже забыла, как это бывает. Анастасия Владимирская расцвела. Наконец-то у нее был роман! Геннадий представился адвокатом. Говорил много и очень умно, как ей тогда казалось. В постель они легли на следующий же день после того, как познакомились: для нее все уже было решено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.